

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
В IV–I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н.Э.

2017

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

**ETHNOCULTURAL DEVELOPMENT
OF THE ANCIENT NEAR EAST
IN THE IV–I MILLENIA B.C.**

Materials of the scientific conference

26–27 October 2017

Moscow
Institute of Oriental Studies
2017

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

К 200-летию Института востоковедения РАН

**ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
В IV–I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н.Э.**

Материалы научной конференции

26–27 октября 2017 года

Москва
ИВ РАН
2017

УДК 94
ББК 63.3(0)31

Ответственные редакторы:

А. А. Петрова
В. Ю. Шелестин
К. Ф. Карлова
А. В. Сафронов

Художник:

Т. П. Удыма

Этнокультурное развитие Ближнего Востока в IV–I тысячелетиях до н.э. / Материалы научной конференции (Москва, 26–27 октября 2017 г.); отв. ред. А.А. Петрова, В.Ю. Шелестин, К.Ф. Карлова, А.В. Сафронов; Институт востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2017. — 128 с.

ISBN 978–5–89282–758–4

Настоящий сборник составлен на основе материалов конференции «Этнокультурное развитие Ближнего Востока в IV–I тысячелетиях до н.э.», прошедшей в октябре 2017 г. в Институте востоковедения РАН.

В сборник вошли статьи, посвященные различным проблемам истории, филологии, культуры Древнего Египта и древней Месопотамии.

© Коллектив авторов, 2017

© Институт востоковедения РАН, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Александров Б. Е.

Туттуль и хетто-ассирийская граница
на Среднем Евфрате в середине - конце XIII в. до н.э.7

Александрова Е. В.

Сюжетная схема перехода
и глагол *pri* в «Текстах Пирамид»9

Демидчик А. Е.

Об этнической однородности древне-египетского
общества в Старом и Среднем царстве17

Емельянов В. В.

Жертвы оракулу в эпоху Энентарзи (Nik 1, 174)24

Камышев К. Д.

Этноконфессиональная характеристика
римско-иранского пограничья к кон. I в. до н.э.
(попытка исторической реконструкции).33

Козырева Н. В.

Этнополитические процессы в Южной Месопотамии
в эпоху ранней древности (3500–1500 гг. до н.э.)39

Лаврентьева Н. В.

«Владыки жизни»: изображения саркофагов
на памятниках из Государственного музея
изобразительных искусств им. А. С. Пушкина49

Ладынин И. А.

«Люди Тифона» и «поясоносцы»: к интерпретации
двух терминов «Оракула горшечника»53

<i>Миронова А. В.</i> Праздники бога Монту в период Нового царства.....	65
<i>Немировский А. А.</i> Еще раз об умман-манда месопотамских текстов.	73
<i>Николаева Н. А.</i> К начальной истории киммерийцев	80
<i>Попова О. В.</i> Лингвистическая политика в Вавилонии 1 тыс. до н.э.: статус аккадского и арамейского языков.....	89
<i>Сидельцев А. В.</i> К просодической интерпретации данных древне-письменных текстов. Безударная проклитика <i>ni</i> vs ударный кластер <i>ni</i> + энклитики в хеттском языке?.....	96
<i>Смагина Е. Б.</i> Гендерный аспект в библейской экзегезе и его эволюция в гностических учениях	100
<i>Solcà A. A. L.</i> South Anatolian toponyms, a first attempt of classification.	109
<i>Шелестин В. Ю.</i> Западный предел распространения хеттской культуры в эпоху Древнего царства.....	116

Туттуль и хетто-ассирийская граница на Среднем Евфрате в середине — конце XIII в. до н.э.

*Александров Б.Е., канд. ист. наук, исторический факультет
МГУ им. М.В. Ломоносова*

В материалах доклада рассматривается история трёхкратного перехода контроля над Туттулем в ходе хетто-ассирийского противостояния в середине — конце XIII в. до н.э.

Ключевые слова: Хеттское царство, Ассирия, среднеассирийский период, хетто-ассирийские отношения, Средний Евфрат, Туттуль.

Сразу три великих державы Ближнего Востока, Хеттское царство, Ассирия и Касситская Вавилония, боролись в XIII в. до н.э. за контроль над долиной Среднего Евфрата. Если ассиро-вавилонское противостояние уже стало предметом специальных исследований (ср., например, [1]), то проблема хетто-ассирийского пограничья на Среднем Евфрате лишь эпизодически комментировалась в литературе. Так, обсуждая недавно ассирийское присутствие в районе Туттуля, М. Ямада допустил, что оно не было непрерывным в промежутке между финалом правления Салманасара I и 19-м годом Тукульти-Нинурты I [3]. Новые материалы из Угарита [2], по-видимому, поддерживают это предположение: согласно одному из писем, адресованных царю Никмадду III (ок. 1220–1210 гг. по короткой / ок. 1230–1220 гг. по средней хронологии), в его правление Туттуль находился под властью хеттов. Очевидно, город трижды переходил из рук в руки на протяжении всего 40 лет (ок. 1257 г., ок. 1236, ок. 1220² г.): сначала ассирийцы отобрали Туттуль у хеттов, вероятно, в завершение успешной кампании против Хани-гальбата. Возвращение города под хеттский контроль

зонно связывать с заключением мира, положившим конец длительной, поначалу успешной для ассирийцев войны против Хатти во второй половине правления Салманасара I. Наконец, Тукульти-Нинурта I вновь включил Туттуль в состав Ассирии, что, вероятно, предшествовало его первому походу против Вавилонии. В целом, новые источники позволяют заключить, что хетто-ассирийское противостояние охватывало не только северный и центральный (города Каркемиш, Наткина, Аразиг), но и южный сегмент верхнеэвфратского региона.

Литература

1. *Немировский А. А.* К вопросу об ассиро-вавилонской борьбе за долину Среднего Евфрата в XIII в. до н.э. // Вестник древней истории. 2010. № 2. С. 3–30.
2. *Lackenbacher S., Malbran-Labat F.* Lettres en akkadien de la “Maison d’Urtēnu” fouilles de 1994. Leuven; Paris; Bristol: Peeters, 2016. 464 p. (Ras Shamra-Ougarit, t. XXIII).
3. *Yamada M.* The Second Military Conflict between ‘Assyria’ and ‘Ḫatti’ in the Reign of Tukulti-Ninurta I // *Revue d’assyriologie et d’archéologie orientale*. 2011. Vol. 105. P. 199–220.

Tuttul and Hittite-Assyrian boundary at the Middle Euphrates in the middle — end of 13th century B.C.

Boris Alexandrov, PhD, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University

The paper deals with the history of shifting the control over Tuttul in the course of Assyro-Hittite fight for Middle Euphrates in the middle - end of 13th century BC.

Keywords: Hittite kingdom, Assyria, Middle Assyrian period, Hittite-Assyrian relations, Middle Euphrates, Tuttul.

Сюжетная схема перехода и глагол *prī* в «Текстах Пирамид»

Александрова Е.В., канд. культурологии,
Центр египтологии им. Б.А. Тураева

Предложенная А. ван Геннепом в 1909 г. категория «обрядов перехода», основанная на метафоре порога (*limen*), задает одну из продуктивных систем координат анализа египетских заупокойных текстов. Описание посмертных трансформаций и воскресения через движение в пространстве и преодоление границы играет в этих памятниках чрезвычайно важную роль, что отражается и в частотности глаголов *iw* и *prī* в трех главных корпусах заупокойной литературы Древнего Египта. Данное сообщение обращается к рассмотрению метафорических коннотаций глагола *prī* в «Текстах Пирамид» в рамках сюжетной схемы перехода.

Ключевые слова: «Тексты Пирамид», обряды перехода, глаголы движения.

О сюжетной схеме перехода мы говорим в том простом смысле, что основная смысловая связь между «событиями» «Текстов Пирамид» — это переход от смерти к воскресению, выраженный различными метафорическими способами. Переходность или лиминальность в обрядах жизненного цикла была впервые подробно и систематически описана А. ван Геннепом [2]. В его работе образ *порога* составляет метафору, служащую для описания многообразия культурных практик, не все из которых непосредственно связаны с движением в пространстве. Тем не менее, применение этой метафоры и самой концепции к египетским погребальным практикам и заупокойным текстам оказывается очень продуктивным. Нельзя не вспомнить здесь о египетском названии «Книги Мертвых» как *rw nw prt m hrw*. При чем глагол *pr*, как представляется, прекрасно

маркирует именно лиминальность, характеризуя пересечение границы.

Семантика выхода как пересечения границы отражается и в иероглифическом написании глагола, но особенно явной она делается при употреблении с предлогом *m*, основное лексическое значение которого «заключалось в указании положения в пределах какого-либо более или менее точно ограниченного пространства» [3, с. 130]. Акцент на данной семантике явно проявляется в текстах пирамиды Униса и в превалировании именно этого употребления по сравнению с другими.

Большая часть контекстов указывает на телесное восприятие этого «более или менее точно ограниченного пространства» [ср. 3, с. 132]. В первую очередь стоит упомянуть о ритуальном клише, составляющем мифологический аналог текущего подношения: *rdw / hnk pr m Wsir*. Однако «выходят» и другие мифологические «истечения»: *mtwt.k prt jm.k* (PT 219); *3gbj wr pr m Wrt* (PT 249). В рамках того же телесного кода выход понимается как рождение, причем прослеживается женский и мужской тип порождения (одним из вариантов которого можно считать также и «истечения Осири-са»: ср. [6]). В случае женских персонажей все весьма натуралистично:

PT 248 (= PT 504; 655A)

pr.n Wnis imt mnty psdt

Вышел Унис между бедер
Девятки.

iwr Wnis in Shmt

Зачат Унис Сохмет,

in Šzmtt mst Wnis

Шесемтет рожден Унис

В PT 269 эта ситуация несколько модифицируется употреблением предлога *hr*, а также появлением фигуры отца:

pr Wnis hr mnty Ist

Выходит Унис
по бедрам Исиды,

<i>hfd Wnis pn hr mnty Nbt-hwt</i>	Взбирается Унис этот по бедрам Нефтис.
<i>ndrw n.f it Wnis Tm ʕ n Wnis</i>	Схвачена отцом Униса – Атумом, рука Униса.
<i>sip.f Wnis</i> <i>n ntrw ipf sbkiw s3iw</i> <i>i.hmw-sk</i>	Вводит он Униса к богам этим мудрым, знающим, не ведающим исчезновения.
<i>mwt Wnis Ipy i.mi n Wnis pn</i> <i>mnd.t pw</i> <i>d3 n.f sw Wnis pn dp r.f</i>	Мать Униса, Ипи, дай Унису свою грудь эту, чтобы переправил ее Унис этот в рот свой.
<i>snk Wnis irtt.t iptw hdit sšpt</i> <i>bnit</i>	Пьет Унис молоко твое это белое, сияющее, сладкое

В данном случае бедра Исида и Нефтис выполняют функцию лестницы, что дублируется в хватании руки Униса Атумом. Эта ситуация, описанная на южной стене аванкамеры, параллельна ситуации на северной стене, где в РТ 305 изображается восхождение Униса по лестнице, причем Хор и Ратянут его за руки, а Сетх подсаживает снизу. В связи с этим не удивительно, что в изречении РТ 480, которое пересекается в некоторых аспектах с приведенным выше изречением, речь идет о «выходе бога этого в небо подобно отцу его Атуму» (*pṛt ntr pn ir pt mr pṛt it Tm ir pt*), поднятии лестницы (*f3.sn m3kt n Ppi-Nfr-k3-Rʕ pn*) и также восхождении по бедрам Исида и Нефтис и протягивании руки Атумом. Однако, в изречении РТ 480 отсутствует эпизод с кормлением грудью, связанный, как кажется, с базовой метафорой рождения, отражающейся в упоминании бедер богини (см. также [7, с. 123–149; 8, с. 207–208]).

Представляется, что размывание метафоры рождения проявляется в таких вариациях как *ms.n tw Nwt hr mnty Nbt-ḥwt* — «Родила тебя Нут на бедрах Нефтис» (РТ *729), *gmt tw snt.k 1st hr mnty mwt.k snk.s tw* — «нашла тебя сестра твоя Исида на бедрах матери твоей, выкармливает она тебя» (РТ *732).

Как кажется, приведенные примеры из текстов пирамиды Униса, повторяющиеся и в других пирамидах в составе новых изречений, дают хороший контекст, указывающий на связь появления *imt mnty* с образом материнства и рождения. В динамической интерпретации выражения *pr hr mnty Tntr.t* в РТ 269 сохраняется связь с выходом и появлением. С другой стороны, в связи с образом кормления это выражение приобретает статический оттенок пребывания на коленях. Связанный с такой локализацией образ защиты, вероятно, составляет логичную смычку образов материнства с образами отцовства, поскольку это же выражение применяется и к божественным отцам: *di ḥms.f hr st wrt hr mnty it.f Hnty-irty* — «Да воссядет он на месте великом на коленях отца своего Хенти-Ирти (вар. — Геба)» (РТ 553); *z3t R^c hrt mnty.fy* — «дочь Ра на коленях его» (РТ 683).

Есть в «Текстах Пирамид» и отцовский аналог активного порождения, при том понимаемого телесно — это миф о сотворении Атумом Шу и Тефнут в начале времен. Интересующий нас сейчас фрагмент встречается в изречении РТ 660: *išš.n tw Tm m r.f m rn.k n šw* — «Выплюнул тебя Атум изо рта своего в имени твоём Шу». В данном случае процесс, который можно обозначить как *prt m r Tntr* составляет определенную аналогию материнству. В пирамиде Униса эта тема раскрыта слабо, и единственное эксплицитное выражение такого рода встречается в РТ 218 *dd.n Gbb pr m r n psdt / bk m-ḥt it.f n sn m kw b3.tj šhm.tj* — «Сказал Геб и вышло из уст Девяти: «Сокол, когда хватает он», — говорят они — «ибо ты си-

лен, могуч»». Произнесенное богами имя покойного как бы рождает соответствующее его проявление. Так, в РТ 437 (= РТ 483; 610) он обретает возможность постоянно выходить в небо *m sʰk pn pr m r n Rʰ m Hrw hnty-3hw* – «в достоинстве твоём этом, вышедшем из уст Ра, в качестве Хора-Предстоящего-Ахам».

Но в РТ 455 есть и более буквальная интерпретация «выхождения из уст», и она, парадоксальным образом, смыкается с самым началом этого обзора:

<i>mḥ mrw i3hw itrw</i>	Наполняются каналы, разливаются реки
<i>m r.fʰbw pr m Wsir</i>	этим очищением, вышедшим из Осириса.

<...>

<i>išš pr m r Hrw</i>	Плевков, вышедший из уст Хора;
<i>išd pr m r Stš</i>	плевков, вышедший из уст Сетха.
<i>wʰb Hrw im.f <...></i>	Чист им Хор <...> Чист им Сетх.
<i>wʰb Stš im.f</i>	

Сплевывание не только оказывается ритуальным действием (ср. РТ 34), но также это очищение является интерпретацией «истечений Осириса», которые здесь принимают вид *ʰbw pr m Wsir*.

Однако, в контексте сюжетной схемы перехода особый интерес представляет «отцовство» Геба. Ситуация рождения бога и выхода бога в небо зачастую сопровождается описаниями как родов, так и различных природных катаклизмов, прежде всего, землетрясения [1]. Интересно, что перемещение покойного из и в Геба составляет своеобразную аналогию представлению о циклическом порождении светил богиней Нут.

PT 670

<i>[rs ntr ʕhʕ ntr]</i>	Просыпается бог, поднимается бог.
<i>ʒh pn pr m dwʒt</i>	Ах этот выходит из Дуата.
<i>Wsir Ppi-Nfr-k3-Rʕ pr m Gb</i>	Осирис Пепи-Неферкара выходит из Геба.

При этом если в PT 258 говорится, что *bwt.f pw t3 n ʕk Wnīs m Gb* – «отвращение его земля, не входит Унис этот в Геба», то именно потому, что при других обстоятельствах в PT 560 покойный именно это и делает:

<i>hbs t3 in hnn</i>	Рыхлится земля мотыгой.
<i>skr wdnt</i>	Подношение жертв,
<i>skr t3 Tbi</i>	подношение земли Теби.
<i>nhmhm spʒty ntr tp-ʕwy it Wsir</i>	Закричали две Области богов перед отцом Осирисом,
<i>i.h3.f m t3</i>	да сойдет он в землю!
<i>dd-mdw dd</i>	Произносить слова:
<i>Gb i.wn r.k ir z3.k Wsir Ppi pn</i>	Геб, открой рот свой для сына твоего Осириса Пепи этого.

Примечательно, что нисхождение это происходит также через рот Геба. В PT 441 с тем же обрядом вспахивания земли связывается отправление по путям богов:

<i>hbs n.k t3</i>	Рыхлится для тебя земля,
<i>sk n.k wdnt dp-ʕwy.k</i>	выкладывается подношение перед тобой.
<i>i.šm.k hr wʒt tf</i>	Да пойдешь ты по дороге той,
<i>i.šmt ntrw im.s</i>	по которой ходят боги

Речь, видимо, идет о погружении зерна в землю и его последующем произрастании, то есть выходе из Геба.

Для описаний рождения бога характерно открытие врат и неба, и земли, и этот подземный путь в РТ 571 дублируется путем небесным:

<i>i.ḥm-sk pw Ppi z3 pt</i>	Этот бессмертный, Пепи, сын неба
<i>wrt</i>	великого,
<i>ḥrt-ib ḥwt-Srkt</i>	Пребывающего в храме Серкет.
<i>šd.n n.f rꜥ Ppi pn r pt</i>	Поднял Ра Пепи этого в небо.
<i>ꜥnh Ppi pn</i>	Жив Пепи этот,
<i>mr ꜥnh ꜥk m imnt pt</i>	как жив вошедший на западе неба,
<i>pr:f m j3bt pt</i>	когда выходит он на востоке неба

Данное рассмотрение глагола *pri* в «Текстах Пирамид» носило частный характер и даже не затронуло всех контекстов, в частности, такого важного, как выход в небо (*pri r pt*). Тем не менее, выбранный нами ракурс позволяет увидеть тесное переплетение метафорической терминологии. Можно сказать, что если концепция А. ван Геннепа интерпретировала рождение (среди других этапов жизненного цикла) как своеобразный переход, то для «Текстов Пирамид» не менее важной является интерпретация выхода (как одной из стадий перехода) как рождения. Конечно, применительно к этим текстам невозможно говорить о первичности какого-то из этих кодов. Скорее они позволяют увидеть тотальное слияние географического и телесного кода, которые, в свою очередь, применяются уже к интерпретации единичного исторического события — смерти и воскресения фараона.

Литература

Александрова Е. В. Мотив сотрясения неба и земли в Текстах пирамид // *Aegyptiaca Rossica*. Вып. 4. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2016. С. 26–42.

Геннеп А. ван. Обряды перехода: Систематическое изучение обрядов. М.: Восточная литература, 2002. 198 с.

Петровский Н. С. Сочетания слов в египетском языке. М.: Издательство “Наука”, Главная редакция восточной литературы, 1970. 315 с.

Allen J. P. A New Concordance of the Pyramid Texts: 5th and 6th Dynasty. Brown University, 2013, 6 vols. URL:

<https://www.dropbox.com/sh/jjz0duog39xjwzu/AAAbwpBgG4fcT0CoFXEqZecJa?dl=0>.(дата обращения: 21.10.2017).

Allen J. P. A Grammar of the Ancient Egyptian Pyramid Texts, Vol. 1. Unis. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2017. 375 p.

Dundes A. The Flood as Male Myth Of Creation // From Game to War and Other Psychoanalytic Essays on Folklore. Lexington, Ky.: University Press of Kentucky, 1997. P. 78–91.

Goudsouzian C. E. Becoming Isis: Myth, magic, medicine, and reproduction in ancient Egypt. Ph.D. Ann Arbor, United States, 2012. 212 p.

Williams M. E. Signs of creation: Sex, gender, categories, religion and the body in ancient Egypt. Ph.D. Ann Arbor, United States, 2011. 343 p.

Frame of the Passage and verb *pri* in the Pyramid texts

Ekaterina V. Alexandrova, PhD in Cultural Studies

B.A. Turayev Center for Egyptology

Based on the metaphor of the threshold (*limen*), A. van Gennep's category of rites of passage forms a fruitful frame for the analysis of the Ancient Egyptian funerary texts. Describing postmortem transformations and resurrection by movement through space is persistent in these monuments. In particular, it is reflected in the frequency of the verbs *iw* and *pri* in three main corpora of the Ancient Egyptian funerary texts. This essay approaches metaphorical connotations of the verb *pri* in the Pyramid Texts in the frame of the Passage.

Keywords: Pyramid texts, rites of passage, verbs of motion.

Об этнической однородности древнеегипетского общества в Старом и Среднем царстве

*Демидчик А.Е., д-р ист. наук, гуманитарный факультет
ННИГУ, Институт истории, гуманитарного и социального об-
разования НГПУ*

Уже к середине III тысячелетия до н.э. население древнеегипетской территориальной монархии предстает в изобразительных и письменных источниках этнически однородным. При этом – несмотря на природно-хозяйственные и диалектные различия её областей – в письменности Старого и Среднего царства нет свидетельств последующей этнической сепарации или парциации. В докладе отмечены некоторые причины невыгодности этнического обособления для локальных сообществ, которое затруднило бы получение ими от единого централизованного государства помощи необходимой при затяжных неурожаях.

Ключевые слова: Древний Египет, Старое царство, Среднее царство, этноним, этническая парциация, территориальное государство.

Древнеегипетская монархия — первое в мире территориальное государство и единственное сравнительно стабильное политическое образование этого типа в III–II тысячелетиях до н.э. Вместе с тем, уже к середине III тысячелетия до н.э., когда изобразительные и письменные источники становятся достаточно информативны, эта огромная, по меркам ранней древности, страна предстает в них этнически однородной, моноэтнической. Поразительное достижение, особенно с учетом того, что её неолитическое заселение происходило из очень разных регионов Африки и Западной Азии! В письменности Египта его жители часто бывают названы *rmṯ*, что означало «человек / люди» вообще и «человек / люди (Египта-*kmt*, Страны)», «египтяне». Без специального обсуждения это толкуется в литературе как эндоэтноним, хотя, в действительности, вопрос крайне сложен.

О географических факторах этнической консолидации Египта сказано уже немало: его транспортная обособленность, принципиальное отличие хозяйственно-культурных укладов Долины от окружающих её пустынь, совместная потребность её областей в нильской речной артерии, в левантийских и центрально-африканских поставках, и т. д. Основополагающим субъективным фактором стало распространение консонантного и в большой степени идеографического письма, обеспечивающего общение носителей даже сильно отличающихся диалектов (ср. *вэньянь* в древнем Китае). В практиках же староегипетской монархии велико было этноинтегративное значение «божественного» статуса фараонов [4] и смешения выходцев из разных областей в крупномасштабных проектах центральной власти — на строительстве царских усыпальниц, в экспедициях в пустыню, и т. д. Кроме того, при III–IV династиях государственное управление сосредотачивалось в руках родственников царя, а при V династии — уроженцев столицы. Хозяйства же дворца и сановников (земля, скот и подневольные работники) размещались по всему Египту.

Тем не менее, на этническую однородность древних египтян стоит взглянуть и под другим углом зрения. Ведь большие природно-географические и хозяйственно-культурные различия всегда существовали и *внутри* их цивилизации. Её исполинская меридиональная протяженность равная расстоянию от Копенгагена до Генуи объемлет разительно непохожие природно-хозяйственных зоны (сравним территорию от Элефантины до Фив с Дельтой!), а египетский разговорный язык, вероятно, существовал лишь в форме диалектов. Так что современные «инструменталистские» и «конструктивистские» концепции этногенеза просто вынуждают нас задаться вопросом, почему

данные различия не приводили к этническому разделению и среди самих *ṛmt* с появлением в письменности этнонимов для их локальных групп.

Поясню такую постановку вопроса примерами. Библейское предание об Исходе (I–XV) повествует об этнической мобилизации группы западносемитских родов в низовье Нила в ответ на обложение их тяжелой государственной трудовой повинностью и о последовавшем противостоянии «Сынов Израиля» египетской монархии. Однако при всей тяжести государственных повинностей в монархиях Старого и Среднего царства сколько-нибудь похожих примеров локальной этнической мобилизации для их времени неизвестно. Не фиксируются новые этнонимы и в ходе острых региональных конфликтов двухвекового Первого переходного периода. И даже этнически чужеродные обитатели Восточной Дельты, участвовавшие в разрушении Среднего царства, в дальнейшем старались изобразительно и письменно не обособлять себя от *ṛmt* и их государственности. Таким образом, бурно протекающие в современности процессы этнической сепарации и парциации не отмечены в Египте периода Старого и Среднего царства и, во всяком случае, не проявились в его письменности новыми этнонимами. Из многих возможных причин этого в предлагаемых тезисах мы отметим три.

I. В картине мира первобытности и ранней древности широким этническим общностям — таким как «народность», «народ», и т.д. — не придавалось большого значения. Как подчеркивал И. М. Дьяконов, «человек чувствовал себя либо членом своей общины, либо подданным своего царя или божества, либо же (если речь шла об обществе первобытном) членом рода или племени, но солидарность целых этносов, как правило, не ощущалась ни в положи-

тельном, ни в отрицательном смысле» [6, с. 265]. Одним из проявлений этого является, видимо, и расплывчатость значения, употреблявшегося для обозначения египтян — слова *rmṯ*. А этнонимы проживавших в Обеих землях чужестранцев были интересны египетской письменности не как таковые, а в качестве обозначений социально-профессиональной принадлежности данных лиц — наряду с терминами *ḥmw*, *mrt*, и т.д. [1, с. 74–95].

Вместе с тем, по словам Ю. В. Бромлея, и для «малых», «первичных», объединений, «члены которых находятся в непосредственных контактах, общие внешние символы, в том числе самоназвание, не имеют особого значения. Поэтому в архаических обществах небольшие социокультурные общности, обладающие относительной самостоятельностью, подчас либо вообще не имеют самоназвания, либо, если и имеют его, то в очень неотчетливой форме» [2, с. 180–181]. О применимости этого утверждения к древнеегипетскому социуму свидетельствует, в частности, отсутствие в нём фамилий или другой единообразной системы наследственных родовых имен.

II. Обозначая египтян, этноним *rmṯ* «люди» подразумевал их превосходство над всеми иными этносами. «Люди» занимали нильскую долину-*kmṯ*, являвшуюся, по египетским представлениям III тысячелетия до н.э., единственным на земле местом, специально обустроенном богами для человеческого проживания. Все же прочие этносы обитали в местностях, считавшихся так или иначе «Пустыней-*ḥ3st*» и потому совокупно противопоставлялись людям-*rmṯ* как *ḥ3styw* «обитатели Пустыни». Культура *rmṯ* почиталась в Египте как средоточие и высшее воплощение подобающих человечеству норм, и в особенности правил проживания в долине-*kmṯ* (3, с. 132–138; ср. «Рассказ Синухета»,

В 178–308). Вместе с тем, укоренившиеся в Египте инородцы при усвоении ими хотя бы важнейших норм этой культуры тоже считались *гпт*. Еще и во времена Геродота (II, 18) ливийцы, «живущие ниже Элефантины и пьющие нильскую воду», причислялись к египтянам.

Эта абсолютная престижность этнонима *гпт* могла подавлять у обитателей Египта желание противопоставлять ему какие-то иные самообозначения. В Среднем царстве даже урожденные чужестранцы обычно не подчеркивали на собственных кладбищенских памятниках своё иноземное происхождение, тем самым «по умолчанию» представляя себя пред потомками людьми-*гпт* [7, с. 148, 152].

III. Существенной преградой для этнической сепарации и парциации могла быть «продовольственная уязвимость» большинства областей Египта, имевших, по существу, монокультурное зерновое хозяйство. При всем плодородии нильской поймы урожаи в ней зависели от высоты и характера половодий, периодически становившихся то недостаточными, то разрушительно обильными. Когда такое случалось несколько лет подряд, отдельные номы оказывались на грани голодного вымирания. Опасность долговременных неурожаев обуславливала жизненную заинтересованность каждой отдельной области в возможности получения продовольственной помощи извне. Скажем, лишь единство с почти неуязвимым для засух Низовьем могло отчасти компенсировать опасную монокультурность сельского хозяйства Верховья. Вместе с тем, при неразвитости товарного производства и торговых связей эффективно помогать в голодные годы целым областям можно было лишь посредством государственных механизмов централизованного принудительного перераспределения. Территориальное централизованное бюрократическое государство было

непременным условием гарантированного выживания отдельных областей Египта в III–II тысячелетиях до н.э. [5]. А локальные элиты в голодные лихолетья стремились не только к обособлению от центра для удержания еще остающихся у них ресурсов, но и к единству с ним для сохранения права пользования его фондами. Даже при долговременном расколе страны в Первый переходный период на две соперничающие монархии правители обеих объявляли себя царями Египта и обычно не препятствовали грузоперевозкам по Нилу между Элефантиной и Мемфисом.

Обособление же каких-то локальных групп в «этнические меньшинства» лишь усложнило бы их взаимодействие с доминирующим этносом и с его территориальным государством, увеличив тем самым риск неполучения жизненно необходимой помощи. Примечательно в этой связи, что описанная в Исходе этническая мобилизация «Сынов Израиля» оказалась несовместима с их дальнейшим пребыванием в долине Нила.

Литература

1. Берлев О. Д. Трудовое население Египта эпохи Среднего царства. М.: Наука, 1972. 364 с.
2. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 416 с.
3. Демидчик А. Е. Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. СПб.: Алетейя, 2005. 272 с.
4. Демидчик А. Е. Догма о божественности правителя в идеологии древнейших территориальных государств // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12, Вып. 1: История. С. 5–8.
5. Демидчик А. Е. К вопросу о территориальном государстве древнего Египта // Вестник древней истории. 2010. № 1. С. 3–12.

6. Дьяконов И. М. Первые деспотии в Двуречье // История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. I. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 233–292.

7. *Schneider Th.* Foreigners in Egypt. Archeological Evidence and Cultural Context // *Egyptian Archaeology* / Ed. W. Weindrich. Malden; Oxford: Blackwell Publishing, 2010. P. 143–163.

On the ethnic homogeneity of the Egyptian society in the Old and Middle kingdom

Arkadiy E. Demidchik

*Doctor of History, Professor of the Department of General History,
National Research Novosibirsk State University; Professor of the
Department of the Theory and History of Culture,
Novosibirsk University of Education*

By the middle of the III millennium BC the population of the Egyptian territorial state appears – in pictorial and written sources – ethnically homogeneous. In First Intermediate Period and Middle Kingdom writing there is also no hard evidence for ethnic differentiation within that population, even despite natural, economic, dialectal differences and some military clashes between the regions. The paper points out to some of the reasons why isolating ethnic mobilizations might be disadvantageous to local communities, which in case of prolonged crop failures badly needed assistance from the centralized monarchy.

Keywords: Ancient Egypt, Old Kingdom, Middle Kingdom, ethnonym, ethnic mobilization, territorial state.

Жертвы оракулу в эпоху Энентарзи (Nik 1, 174)¹

Емельянов В.В., д-р филос. наук, Восточный факультет СПбГУ

Доклад посвящен переводу и интерпретации загадочного шумерского административного документа Nik 1, 174, составленного в Лагаше в третий год правления неизвестного царя. Первый перевод этого текста был выполнен В.К. Шилейко в 1916 г. Он датировал текст 3-м годом правления Урукагины. Автор статьи полагает, что нужно датировать табличку правлением Энентарзи. По его мнению, табличка содержит перечень жертвоприношений, принесенных богу Месанду в связи с болезнью сына правителя. В числе жертв упомянуты 10 рабов обоего пола и человек по имени Тиусуше «для увеличения дней жизни». Возможно, это единственное упоминание о человеческих жертвоприношениях в текстах шумерского периода.

Ключевые слова: старошумерский период, Лагаш, жертвы, оракул, Энентарзи, Урсиласирсира, В.К. Шилейко.

В 1916 г. В.К. Шилейко получил от Русского Археологического общества Большую серебряную медаль за свою монографию «Вотивные надписи шумерийских правителей». В том же году он был приглашен участвовать в юбилейном сборнике в честь президента Московского археологического общества графини П.С. Уваровой. В его статье рассматриваются три старошумерских хозяйственных текста из коллекции Н.П. Лихачева, ранее изданные М.В. Никольским [2]. Если два первых текста довольно просты, то третий до сих пор является крепким орешком. Шилейко удалось определить по двум последним строкам реверса, что речь идет об оракуле. Он перевел их следующим обра-

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ N 16-18-10083 «Изучение религии в социокультурном контексте эпохи: история религиоведения и интеллектуальная история России XIX - первой половины XX вв.».

зом: «50 долготе дней жизни (II)₁ [Гим]тар[сир]сирра 2 бога Месанду 3 оракул вопросив, 4 [оракулу принесла]» [2, с. 288]. Интерпретация Шилейко основана на чтении разбитых знаков в rev. II 1 как имени дочери Уруагины: Гимтарсирсирра. Исходя из этого понимания знаков, Шилейко пишет: «какое-то общественное бедствие, быть может неудачная война, или, еще вернее, эпидемия заставили дочь Уруагины призадуматься о близком конце» [2, с. 289]. Его интерпретацию подхватил и В.В. Струве, который писал: «Дочь Уруагины Гимтарсирсир принесла богу Месанду богатейшие жертвы, но это было разовое жертвоприношение, обусловленное желанием царевны получить оракул. Надо полагать, что Месанду являлся тем богом, который давал оракул и благодаря этому пользовался и в дальнейшем почетом, хотя, казалось бы, он не упоминался в текстах Лагаша среди богов, игравших выдающуюся роль» [1, с. 8]. Более в отечественной науке текст не рассматривался и не обсуждался.

Табличка из собрания Н.П. Лихачева, изданная М.В. Никольским и ныне хранящаяся в Эрмитаже (Nik 1, 174; Etm 14174), является уникальным административным документом, содержащим формулу, более нигде в старошумерских текстах не встречающуюся. За сто лет внимания шумерологов у таблички появилось множество транслитераций [5, с. 110–111; 2, с. 288–289; 4, с. 9; 7, с. 398–399; 6, с. 31; 8, с. 178]. Последняя из них, сделанная Дж.К. Джонсоном, доступна в сетевом издании вместе с отличной фотографией таблички (CDLI P221943) [9]. Но ни одна из этих транслитераций пока не была совершенно удовлетворительной, поскольку авторы публикаций не занимались содержанием таблички специально.

Хотел бы предложить новую транслитерацию и интерпретацию загадочной таблички.

Obverse

I¹12 [udu] nita ²6 maš ³1 munus aš₂-gar₃ ⁴Ur-du₆ ⁵sipa-de₃ ⁶ba-ra
⁷5 udu nig₂-gu₇-a II¹1 dur₃ kunga₂ ²1 munus šul-gi ³1 nita šul-
gi ⁴2 munus gir mu ²53 1 barig še [gur saggal]

Reverse

I¹5 ziz₂ ²še ziz₂ [ba]ra₂[?] gur₅-a-kam ³8 sag nita ⁴2 sag munus
⁵Ti-u₄-su₃-še₃ II¹[...]sil₃-[sir₂]-sir₂-ra ^{2d}Mes-an-DU-ka ³maš-e
pa₃-da-a ⁴maš-še₃ mu-na-ri-a 3

Комментарий

Obv. I 6. ba-ra понимаю не как имя собственное, а как глагольную форму, состоящую из префикса ориентации ba- и глагольного корня ga «бить, убивать».

Rev. I 2. Сочетание знаков понимаю не как имя собственное (как в предыдущих публикациях), а как особенность доставки продукта. Пожертвованные ячмень и полба были разложены по отдельным мешкам (согласно ePSD, bara₂ ‘sack’; gur₅ ‘to separate’), см. также DP 525, rev. I 2 [10].

Rev. I 5. Сочетание знаков ti-u₄-su₃-še₃ первые исследователи переводили буквально «ради продления дней жизни» [5, с. 110; 2, с. 288; 4, с. 28]. Но это же сочетание знаков встречается в старошумерских текстах еще 4 раза: DP, 173 obv. II 6 (Лараш. Enentarzi 3) [11]; VS 25, 95 obv. II 5 (Лараш, Lugaland 2?) [12]; ZA 72, 176 16 rev. I 9, II 9 (Урук, датировка неизвестна) [13]. В DP, 173 ti-u₄-su₃-še₃ стоит последним в списке мужских имен собственных, предваряемых списками рационов, а после стоит nita-me «мужчины». Поэтому современные исследователи понимают данное сочетание знаков как мужское имя собственное Тиусуше [6, с. 31; 8, с. 178]. Интересно, что в тексте VS 14, 86,

составленном на 4-й год правления Энентарзи, в числе имущества Урсиласирсиры приводится список все тех же работников, но *ti-ц4-su3-še3* среди них нет [14]. Спорной является и датировка VS 25, 95 эпохой Лугаланды: в тексте стоит только цифра 2, и вполне возможна датировка временем Энентарзи. В этом тексте Тиусуше принимает в качестве рациона пшеницу. Контекст ZA 72, 176 неясен из-за поврежденности таблички.

Rev. II 1. Первый знак разбит. Старое чтение [Geme₂]-tar-[sir₂]-sir₂-ra идет от А. Женуйяка, который читал Geme₂ по-аккадски *amat*, и все имя Amattarsirsirra [5, с. 110]. Однако в тексте DP, 173 того же 3-го года Энентарзи его сына Урсиласирсиру (TAR можно прочесть как *silā₃*) называют хозяином людей, среди которых распределяют шерсть, и среди них значится Тиусуше. В издании CDLI целых две ошибки: текст датирован 4-м годом Энентарзи (хотя на самом деле 3-й год), но в качестве субъекта действия выступает дочь Урукагины Геметарсирсира, которой на момент запроса к оракулу могло не быть на свете, и которой точно не было во дворце.

Rev. II 2. Культ Mes-an-DU известен со 2-го года Энентарзи, и ему активно посвящали рабов, бывших собственностью семьи энси (DP 340, Obv. I 5) [15]. Из хозяйственных текстов известно, что вместе с Месанду жертвы приносились Ниншубур и Ниназу — возможно, его жене и сыну. Оба эти божества относятся к Подземному миру, а Ниназу известен и как покровитель целителей (Nin-a-zu “господин врачевания”) [8, с. 176–180]. Можно прочесть имя бога как предложение *mes an-tum₂* “юноша принесен (в жертву)” и предположить, что в храм этого бога дарили рабов для продолжения жизни и исцеления членов семьи правителя. Конструкцию ^dMes-an-DU-ka я понимаю как

DN + Gen + Loc, генитив как указание принадлежности, а локатив — в функции указания на состояние, в которое приводится лицо или предмет. Перевод: «в качестве относящегося к Месанду». Кто кому принадлежит? Ответ на этот вопрос раскрывается в DP 173, где перечисленные мужчины и женщины храма названы $lu_2 u_2\text{-rum Ur-sila}_3\text{-sir}_2\text{-sir}_2\text{-ga}$ «собственность Урсиласирсиры» и переданы храму Месанду (rev. II 2–3).

Rev. II 3–4. Нестандартным текст делают две особенности. Во-первых, сын правителя выступает здесь причиной дарения скота, продуктов и людей богу, но при этом не указана его филиация. Во-вторых, жертвы приносятся ради вердикта, который получают путем гадания ($ma\check{s}$ «козленок» + ra_3 «находить»). Больше таких примеров для хозяйственных текстов I династии Лагаша нет. В корпусе царских надписей есть строка из надписи Ур-Нанше, которая переводится однозначно: $Ur\text{-nimin dam-}^dNan\check{s}e ma\check{s} bi\text{-}ra_3$ «(царь) Ур-Нимина в качестве супруга Нанше посредством гадания избрал» (Urn. 17 III 3–6) [3, 104]. В текстах III династии Ура формула $ma\check{s}\text{-}e ra_3$ «найти посредством козленка» всегда употребляется для избрания жреца в каком-либо храме (ср. датировочную формулу: $mu X DN ma\check{s}\text{-}e ra_3\text{-}da$ «год, когда жрец такого-то бога посредством гадания избран»). С первого взгляда получается, что в качестве агенса выступает Тиусуше, который приносит скот и людей в жертву по случаю того, что Урсиласирсира был избран посредством гадания «(человеком), относящимся к Месанду». То есть, отныне царский сын находится в ведении этого божества. Однако было бы странно, если бы работник храма, ставший собственностью сына энси, приносил такие большие жертвы. Скорее всего, он сам был отдельной жертвой при гадании, поскольку в списке работников

на 4-й год Энентарзи его нет. Почему этот человек так назван? Возможно, это специальное жертвенное имя, чтобы продлить дни члена правящего дома.

Тогда получается следующий перевод:

Obverse

I¹ 12 баранов-самцов, ² 6 козлят, ³ 1 козочку ⁴ Урду, ⁵ пастух, ⁶ забил. ⁷ 5 овец в пищу. II¹ 1 детеныша мула, ² 1 кобылу, ³ 1 жеребца, ⁴ 2 ослиц-двухлеток, ⁵ 3 гур ¼ гурсаггала ячменя, Reverse

I¹ 5 гуров полбы, ² (ячмень (и) полбу (в) отдельных мешках), ³ 8 рабов, ⁴ 2 рабынь, ⁵ (когда) (мужчину) Тиусуше II¹ [Ур]сила[сир]сира² в качестве относящегося к Месанду ³ посредством гадания избрал, ⁴ в качестве жертвы ему (= богу Месанду) послал. 3-(й год Энентарзи).

В корпусе хозяйственных текстов Лагаша мужчины по имени Урсиласирсира упомянуты, помимо нашего текста, еще 5 раз. На 3-м году Энентарзи людей храма Месанду причисляют к имуществу сына Энентарзи и наделяют рационами; среди этих людей упоминается мужчина ti-u₄-su₃-še₃ (DP, 173). Еще раз тот же Урсиласирсира упоминается на 4-м году правления Энентарзи, и снова в связи с наделением работников храма, ставших собственностью сына эн-си, рационами в храме Месанду. Однако Тиусуше там уже нет (VS 14, 86). Далее следуют тексты с упоминанием другого Урсиласирсиры — сына Лугаланды, брата первого Урсиласирсиры (DP 268; DP, 175) [16; 17]. И, наконец, в эпоху Урукагины всему семейству Лугаланды, включая его сына Урсиласирсиру, приносятся жертвы как умершим (VS 27, 85) [18].

Что же можно предположить, исходя из доступных данных? Сын Энентарзи Урсиласирсира был болен. Он сам

и его родители обратились к богу Подземного мира Месанду с просьбой продлить его жизнь. При этом храму Месанду были пожертвованы как забитые животные и продукты, предназначенные в пищу, так и живые существа, к числу которых относились храмовые рабы, находившиеся в собственности больного. Сын энси умер либо на 4-м, либо после 4-го года правления отца. И его брат Лугаланда назвал в честь умершего своего собственного сына, т.е. племянника первого Урсиласирсиры. А Урукагина приносил жертвы уже не первому, а второму Урсиласирсире в составе всей семьи своего предшественника. Интересно, что, начиная с Энентарзи, правители Лагаша называли своих детей рабами и рабынями храма Эсиласирсира. И все они вплоть до Урукагины приносили жертвы Месанду.

Источники (список сокращений)

CDLI — Cuneiform Digital Library Initiative. URL: <http://cdli.ucla.edu> (дата обращения: 08.08.2017)

DP — *Allotte de la Fuje M.* Documents présargoniques. Paris: б.и., 1912.

Егп — табличка из собрания Государственного Эрмитажа

Nik 1 - Никольский М.В. Документы хозяйственной отчетности древнейшей эпохи Халдеи из собрания Н.П. Лихачева. М.: б.и., 1908.

VS — *Vorderasiatische Schriftdenkmäler.* Berlin.

ZA — *Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie.* München.

Литература

1. *Струве В. В.* Основные вехи войны Урукагины и Лугалзаггиси // Вестник древней истории. 1958. 4. С. 3–13.
2. *Шилейко В. К.* Из Лихачевского собрания: I. Меновой контракт (=Никольский № 300); II. Купчая крепость на раба (=Никольский № 17.); III. Вопросение оракула (=Никольский № 174) // Сборник статей в честь графини П.С. Уваровой. М, 1916. С. 284–290.
3. *Frayne D. R.* Presargonic Period (2700–2350 BC). Toronto, Buffalo, London: University of Toronto Press, 2008. 464 p.
4. *Deimel A.* Religiöse Abgaben (maš-da-ri-a) // Orientalia. 1927. Vol. 26. S. 1–29.
5. *Genoulliac H. de.* Une consecration d'esclaves aux dieux // Orientalistische Literaturzeitung. 1909. Bd. 3. P. 110–111.
6. *Kobayashi T.* Was Mesandu The Personal Deity Of Enentarzi? // Orient. 1989. Bd. 25. P. 22–42.
7. *Selz G. J.* Altsumerische Verwaltungstexte aus Lagaš I: Die altsumerischen Wirtschaftsurkunden der Eremitage zu Leningrad. Stuttgart: Steiner, 1989. 572 S. (Freiburger altorientalische Studien, Bd. 15/1).
8. *Selz G. J.* Untersuchungen zur Götterwelt des altsumerischen Stadtstaates von Lagaš. Philadelphia: Untersuchungen zur Götterwelt des altsumerischen Stadtstaates von Lagaš, 1995. 439 S.
9. http://cdli.ucla.edu/search/archival_view.php?ObjectID=P221943
10. http://cdli.ucla.edu/search/archival_view.php?ObjectID=P221175
11. http://cdli.ucla.edu/search/archival_view.php?ObjectID=P220823
12. http://cdli.ucla.edu/search/archival_view.php?ObjectID=P020300
13. http://cdli.ucla.edu/search/archival_view.php?ObjectID=P217667
14. http://cdli.ucla.edu/search/archival_view.php?ObjectID=P020101

15. http://cdli.ucla.edu/search/archival_view.php?ObjectID=P220990
16. http://cdli.ucla.edu/search/archival_view.php?ObjectID=P220918
17. http://cdli.ucla.edu/search/archival_view.php?ObjectID=P220825
18. http://cdli.ucla.edu/search/archival_view.php?ObjectID=P020398

List of Offerings for the Oracle of Enentarzi's Era (Nik 1, 174)

*Vladimir V. Emelianov, DSc in Philosophy, Professor, Department of
Semitic and Hebrew Studies, Oriental Faculty, St-Petersburg State*

The paper deals with the enigmatic Sumerian administrative document Nik 1, 174, compiled in Lagash in the third year of the reign of an unknown king. For the first time the tablet was translated by W.G. Schileico who dated it back to the 3rd year of Urukagina. The author of the article believes that it is necessary to date the tablet by the time of Enentarzi. In his opinion, the tablet contains a list of offerings made to the god Mesandu in connection with the illness of the ruler's son. Among the offerings 10 slaves of both sexes and a man named Tiusushe "to prolong the days of life" are mentioned. Perhaps this is the only mention of human sacrifices in the texts of the Sumerian period.

Keywords: Old Sumerian period, Lagash, offerings, oracle, Enentarzi, Ursilasirsirra, W.G. Schileico.

Этноконфессиональная характеристика римско-иранского пограничья к кон. I в. до н.э. (попытка исторической реконструкции)

*Камышев К.Д., Колледж профессионального образования
Пермского государственного национально-исследовательского
университета*

В статье предпринимается попытка систематизировать данные по этноконфессиональной ситуации на Ближнем Востоке в конце I в. до н.э. на территории римско-иранского пограничья в период после конфликтов, связанных с ликвидацией эллинистических государств в I в. до н.э. и с их поглощением Парфянской державой Аршакидов и Римом. Между этими крупными империями складывается особое буферное пограничное пространство, представляющее собой не только особое политическое, но и этноконфессиональное пространство.

Ключевые слова: римско-иранское пограничье, этноконфессиональные отношения, буферные государства, Аршакиды, Парфия, Месопотамия, Сирия, Римская империя.

Римско-иранское пограничье начинает складываться в начале I в. до н.э. Граница между Римом и Ираном является одной из самых длительно существовавших государственных границ в мировой истории. Далеко не на всех участках великие державы соприкасались непосредственно. Между Римом и Ираном, таким образом, формировалось буферное пространство. Лимитрофное пространство между Римом и Ираном состояло из множества политических образований, так или иначе примыкавших к государственным границам этих империй Древнего мира. В данной работе мы рассмотрим этноконфессиональную ситуацию, которая сложилась в самый ранний период его развития к концу I в. н.э. С момента первого соприкосновения внеш-

неполитических интересов римлян и парфян в Каппадокии в 92 г. н.э. до стабилизации в пограничном регионе, которое было ознаменовано заключением соглашения между Августом и Фраатом IV в 20-е г. до н.э., между основными внешнеполитическими игроками в регионе прошла череда как мирных, так и конфликтных ситуаций. К этому периоду устанавливается относительное равновесие сил, и начиная с 20-х гг. до н.э. и до начала I в. н.э. ситуация остается практически неизменной.

Для определения этноконфессиональной ситуации в регионе необходимо указать на основные политические образования, существовавшие к 20-м гг. до н.э. на территории римско-иранского пограничья. Это – Пафлагония, Понтийское царство, Каппадокия, Малая Армения, Киликия, Великая Армения, Колхида, Иберия, Албания Кавказская, Атропатена, Гордиена, Адиабена, Осроена, Харакена, Коммагена, Иудея, Nabateyское царство и более мелкие политические образования (племенные союзы, кланы, полисы и храмовые общины). Кроме того, составной частью римско-иранского пограничья I в. до н.э. являлись собственно территории, входившие в Римскую империю (провинции Сирия, Египет, Киликия) и Парфянскую державу Аршакидов (территории Месопотамии с центром в Ктесифоне и старинные владения парфян с центром в Нисе).

На всей территории римско-иранского пограничья к концу I в. до н.э. свое значение в качестве лингва франка сохраняло греческое койне, поскольку большая часть этих территорий ранее входила в состав эллинистических государств. Практически все эти народы в тот период подверглись той или иной степени эллинизации, даже варварская периферия на территории Северного Кавказа и Северная Аравия претерпела влияние эллинизма. На территории всего рим-

ско-парфянского пограничья в этот период проживало огромное количество этнических греков — населения эллинистических полисов (крупнейшие из них: Александрия Египетская, Антиохия-на-Оронте, Селевкия-на-Тигре и др.). А. Ранович характеризует развитие эллинистических полисов так: «Надпись Кв. Эмилия Секунда (116 2683) сообщает, что он по поручению Квинтилия произвел в Апамее перепись, которая дала 117 000 граждан; можно поэтому считать, что население Апамеи составляло при Августе, вероятно, 400–500 тыс. Антиохия не уступала по занимаемой территории Александрии и имела к началу н. э. 300 тыс. населения. Селевкия на Тигре, население которой в I в. достигало 600 000, еще при Марке Аврелии имела 300–400 тыс. человек. До восстания 66–70 гг. в Иерусалиме было около 100 тыс. жителей» [4, с. 126].

Восточная часть Малой Азии, входившая в римско-иранское пограничье, была заселена различными народами, прежде всего каппадокийцами, армянами, киликийцами (исаврами, писидийцами, килитами), отчасти галатами (кельтами). Кавказский участок был заселен, прежде всего, армянами, картвельскими народами (колхи и иберы), албанами, мидийцами, кадусиями, каспиями, амардами, тапирами, киртиями, народами сарматского происхождения (аорсы, сираки и др.), меотами и др.

Территорию Месопотамии, Сирии и отчасти Палестины в этот период заселяли арамеязычные народы, остатки древних семитоязычных племен Передней Азии (авилонян, ассирийцев, арамеов, финикийцев). Особой территорией можно считать Гордиену, населенную потомками горских племен кардухов, которых современные курды считают своими прямыми предками. С другой стороны, нахождение Ктесифона (в тот период носил название Опис), одного из основных цен-

тров монархии Аршакидов, на территории Месопотамии говорит в пользу присутствия на этой территории значительно ираноязычного населения (парфян и персов, прежде всего). Впрочем, они также в немалой степени подверглись процессу эллинизации. Эту тенденцию обозначил Г. Кошеленко: «Живя бок о бок с греками, подвергаясь их влиянию, они стали смотреть на многие события глазами греков» [2, с. 280]. С другой стороны, ираноязычные элементы в I в. до н.э. имели явную тенденцию к постоянной миграции и усилению своего присутствия за счет населения Восточного Ирана.

После миграций II–I вв. до н.э. (а также мероприятий Лукулла и Гнея Помпея) на территории Сиро-Палестинского и Месопотамского регионов значительный этнический компонент составляют арабы. Еще в 127 г. до н.э. власть в Осроене установила арабская по происхождению династия Абгара и Ма'ну, связанная с южноаравийскими кланами. Тигран II Великий (95–55), захватив страны Азии, передал Осроену кочевому арабскому племени, переселенному им сюда из южной Месопотамии [1, с. 111]. По данным античных источников «осроенские арабы» к кон. I в. до н.э. становятся важным фактором в развитии данного буферного государства римско-иранского пограничья. Дискуссионным остается вопрос о том, являлось ли население восточносирийских и северомесопотамских городов, а также Набатейского царства данного периода арабским или доминировали иные семитоязычные народы (в работах Шифмана И.Ш., Надирова И.И. и др.).

Иудейская община в этот период распространяется не только на территории Палестины, но и в Египте, Малой Азии, Месопотамии (прежде всего в Селевкии-на-Тигре). На территории Месопотамии (еще со времен Ахеменидов) значительным являлся также иранский компонент (парфяне и

персы). В конце I в. до н.э. важным не только с точки зрения политики, но и этноконфессионального развития являлось расквартирование на территории Римской Сирии четырех легионов и двух легионов в Египте. При императоре Октавиане Августе (27 г. до н. э. – 14 г. н. э.) там были размещены легионы III Gallica, VI Ferrata, X Fretensis и XII Fulminata [3]. По всей видимости, поскольку данные легионы входили в армию Марка Антония, среди них помимо римлян находились представители романизированных элементов Востока, а также отчасти кельтские этнические элементы (галлы). При этом даже в последующие периоды римская колонизация здесь не имела серьезных успехов [4, с. 132].

Такой же пестротой к концу I в. до н.э. отличался данный регион и в конфессиональном отношении. На этих территориях были распространены первые монотеистические религии, такие как иудаизм и зороастризм, складывались предпосылки возникновения христианства. Так, Турадж Дарьяи утверждает, что в Дура-Европос существовали иудейские синагоги, которые имели культурные связи скорее с иранскими иудеями, а не с палестинскими (наряду с присутствием зороастризма) [5, р. 33]. Были широко распространены греческие (Аполлон, Артемида, Афродита и др.), вавилонские (Иштар), египетские (Исида, Серапис), иранские (Митра), малоазиатские (Аттис) культы. Римские легионеры и чиновники принесли с собой собственно римские и итальянские культы, которые, впрочем, уже в то время были достаточно эллинизированными.

Можно констатировать, что к концу I в. до н.э. римско-иранское пограничье складывается как самый сложный в этноконфессиональном отношении регион, который лишь отчасти поддается исторической реконструкции.

Литература

1. *Абрамзон М. Г.* Осроена в римской восточной политике в I в. до н. э. — III в. н. э. // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XV. Магнитогорск. С. 111–118.
2. *Кошеленко Г. А.* Греческий полис на эллинистическом Востоке. М.: Наука, 1979.
3. *Назаров А. Д.* Сирийские легионы римской армии в I в. н. э.: морально-психологическое состояние и методы поддержания боевого духа // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. № 5. Ресурс доступа: URL: <http://e-koncept.ru/2016/16110.htm>
4. *Ранович А.Б.* Восточные провинции Римской империи в I-III вв. М.: Издательство АН СССР, 1948.
5. *Daryaei T.* To Learn and to Remember from Others: Persians Visiting the Dura Europos Synagogue // Scripta Judaica Cracoviensia. 2010. P. 29–37.

Ethno-confessional characteristics of the Roman-Iranian borderland to the end. I c. BC. (an attempt at historical reconstruction).

Konstantin D. Kamyshchev, College of Professional Education, Perm State National Research University

The article deals with the data on ethno-confessional situation on Roman-Iranian border at the end of the first century BC, which came into being after the conquest of Hellenistic states by the Parthian Empire of the Arsakids and Rome. As the author shows, a special buffer zone appeared between two large empires, which can be characterized not only as political but as ethno-confessional territory.

Keywords: Roman-Iranian border, ethno-confessional relations, Parthia, Mesopotamia, Syria, Roman Empire.

Этнополитические процессы в Южной Месопотамии в эпоху ранней древности (3500–1500 гг. до н.э.)

*Козырева Н.В., д-р ист. наук, Институт восточных рукописей
РАН, Восточный факультет СПбГУ*

Этап истории Южной Месопотамии, в рамках которого шло формирование и первоначальное развитие месопотамской цивилизации (3500–1500), условно называют «периодом ранней древности». Его началом можно считать формирование крупных городских систем во второй половине IV тыс. до н.э., а окончанием — упадок южномесопотамских городов и разрушение их хозяйственных систем в 18-17 вв. до н.э. Изучение синхронного археологического и письменного материала позволяет до некоторой степени проследить, какого рода изменения происходили на протяжении периода ранней древности в структуре городов и поселений, характере институтов управления и этническом составе населения Южной Месопотамии.

Ключевые слова: ранняя древность, городские системы, рурализация, поселения провинции, дезурбанизация, экологические проблемы, миграция.

Этап истории Южной Месопотамии, в рамках которого шло формирование и первоначальное развитие месопотамской цивилизации (3500–1500 гг. до н.э.), в отечественной исторической науке о Древнем Востоке условно называют «периодом ранней древности». Его началом можно считать формирование крупных городских систем во второй половине IV тыс. до н.э., а окончанием — упадок южномесопотамских городов и разрушение их хозяйственных систем в 18–17 вв. до н.э. Изучение синхронного археологического и письменного материала позволяет до некоторой степени проследить, какого рода изменения происходили

на протяжении периода ранней древности в структуре городов и поселений, характере институтов управления и этническом составе населения Южной Месопотамии, и попытаться реконструировать процессы взаимодействия и взаимовлияния этих важнейших цивилизационных факторов.

Самые ранние земледельческие поселения на территории Южной Месопотамии возникли еще в конце VII тыс. до н.э. К концу V — началу IV тыс. до н.э. почти половина из примерно 100 000 жителей юга аллювиальной долины проживала в крупных поселениях площадью от 10 до 40 га (Эриду, Ур, Урук, Ларса, Гирсу и ряд других), вокруг которых концентрировалось множество мелких поселений площадью до 2 га. Болотистые и степные территории аллювия были заселены полуоседлыми скотоводами, а побережье Залива — рыбаками.

В середине IV тыс. до н.э. на территории Южной Месопотамии на основе крупных поселений предшествующего периода начинают формироваться первые масштабные городские системы. В каждую из них, помимо собственно города, входила и окружавшая его культурная сельскохозяйственная территория с небольшими поселениями на ней, число которых в это время постоянно росло. К концу IV тыс. до н.э., на территории Южной Месопотамии существовало уже несколько десятков городских хозяйственных систем.

Городской социум состоял из отдельных более-менее равных по своему статусу групп, каждая из которых занимала свою часть резидентного и хозяйственного пространства и имела свое представительство в городской бюрократической системе. Городская элита, состоявшая, вероятно, из лидеров отдельных групп, формировалась как элита

культово-административная. Во главе города стоял правитель, который, во всяком случае, теоретически должен был избираться горожанами (или представителями городских групп) на определенный срок. В этот период Южная Месопотамия представляла собой, по-видимому, единый культурно-хозяйственный регион, население которого объединяли не только общий язык (шумерский), но и тесные хозяйственные связи, общие религиозные представления и совместные культовые обязательства.

В первой половине III тыс. до н.э. количество городских систем на территории Южной Месопотамии возрастало. Увеличивалась площадь старых городов, таких как Ур, Киш, Ниппур, Кеш (Абу Салабих), Урук и, возможно, Умма, возникали новые, в том числе Лагаш и Шуруппак. Городская административно-культовая элита, сосредоточив в своих родственных группах управление и самим городом, и крупными городскими хозяйствами, постепенно превращалась в отдельную социальную группу, отличавшуюся от остального населения своими материальными ресурсами и властными полномочиями. В это же время стало заметно уменьшаться количество мелких поселений, а новых поселений появлялось очень мало.

Население юга аллювиальной долины составляло предположительно от 100 до 250 тысяч жителей, а население всей Южной Месопотамии, по самым приблизительным подсчетам могло достигать полумиллиона человек. До 80% жителей Южной Месопотамии проживали в городских центрах площадью 40 га и более, менее 10% жили в поселениях площадью меньше 10 га. Небольшая часть обитателей самого юга аллювия продолжала жить в болотистых и степных районах в отдаленных от городов деревнях и хуторах за пределами контроля городской администрации.

В это же время на территорию Центральной Месопотамии и северной части аллювиальной долины активно переселялось семитоязычное население северной и северо-западной Сирии (предки будущих аккадцев), интегрируясь в местные городские структуры. Уже в первой половине III тыс. до н.э. жители северной части Южной Месопотамии предположительно говорили на двух языках: шумерском и каком-то варианте раннесемитского, для населения юга аллювия основным языком в это время оставался шумерский.

Во второй половине III тыс. до н.э. рост населения, жившего в рамках городских хозяйственных систем, приводил к необходимости расширения обрабатываемых площадей и делал все более острым вопрос о земельных границах и принадлежности каналов и водных протоков; усиливалось соперничество и военные конфликты между городами. Появляются изменения в организации управления городом, на традиционные «выборные» системы накладывается изначально чуждый ей институт царской/централизованной власти, задачей которой было обеспечение безопасности и непрерывности хозяйственной деятельности горожан.

Два раза на протяжении второй половины III тыс. до н.э. предпринимались попытки включить территорию Южной Месопотамии с ее десятками городских систем в рамки единого централизованного государства с наследственной царской властью (аккадское государство и государство III династии Ура). Обе попытки закончились распадом объединенного государства и возвращением городов к традиционной модели социально-экономического устройства, т.е. к модели автономных самоуправляющихся городских хозяйственных систем с надстройкой в виде царской власти.

Двойственность сосуществования в одной системе двух разнонаправленных властных структур не могла не сказаться на прочности самой системы. Царская администрация была заинтересована в бесперебойном функционировании традиционных хозяйственных институтов города, которые были основным источником ее материальных ресурсов, однако деятельность этих институтов была невозможна без сохранения определенного уровня городского самоуправления.

К концу III тыс. до н.э. проявляются первые признаки начала дезурбанизации. Отдельные крупные города после тысячи лет активного существования теряют свое значение и уходят с исторической сцены (Эриду, Лагаш, Умма). Это было связано как с усилением внутренней неустойчивости городских систем, так и с внешними факторами: военнополитическими конфликтами периода, повлекшими за собой разрушение многих городов, и ухудшавшимися экологическими условиями.

Одновременно во второй половине III тыс. до н.э. на территории Южной Месопотамии стало заметно возрастать число небольших сельских поселений. Многие «новые» поселения возникали на месте старых, когда-то заброшенных, деревень. Однако это было связано не с перетеканием туда населения из приходящих в упадок городов, а скорее с усилившимися в это время потоками миграции на территорию Южной Месопотамии западносемитских (аморейских) групп, которые издавна были ее соседями на севере и северо-западе. К концу III тыс. до н.э. амореи составляли весьма значительную часть сельского и некоторое количество городского населения. Основным разговорным языком Южной Месопотамии в это время был аккадский язык. Шумерский язык к концу III тыс. до н.э. вышел из живого

обращения и превратился в язык культа и литературы, а сами шумеры как этническая группа практически исчезли.

К середине II тыс. до н.э. условия существования городских хозяйственных систем Южной Месопотамии кардинально изменились по сравнению с началом периода ранней древности, этому способствовало обострение экологических проблем региона и увеличение масштабов миграции. На территории Южной Месопотамии по-прежнему существовало несколько десятков относительно независимых городских хозяйственных систем, заселенных в основном аккадоязычным населением. Одновременно на территории провинции продолжался заметный рост количества мелких сельских поселений, заселенных этнически неоднородным населением, значительную часть которого, помимо амореев, составляли беженцы, переселенцы и депортированные пленные с гор и предгорий Загроса и их потомки. Центральная власть была заинтересована в расширении миграции. Это давало возможность увеличить площади обрабатываемой земли и количество податного населения, из которого формировалось наемное войско. Города оказались плотно окруженными сельским разноэтничным населением и вынуждены были вести постоянную борьбу за сохранение своих земельных держаний. При этом горожане по-прежнему находились под юрисдикцией города, сохранявшего некоторую автономию, а население провинции, по-видимому, полностью контролировалось царской администрацией.

Военные конфликты, связанные с подавлением вавилонскими войсками восстания южных городов, подтолкнули наступление давно назревавшего экологического кризиса. Со второй половины 18 по конец 17 века до н.э. по всей территории Южной Месопотамии проходят масштабные

процессы дезурбанизации, разворачиваясь с юга на север. Около 1730 г. до н.э. были покинуты и постепенно пришли в полное запустение такие древние города юга как Куталла, Гирсу, Лагаш, Урук, Ларса, Вад-Тибера, Ур. Несколько позднее экологический фактор сказался и на городах центральной части Южной Месопотамии: города Ниппур и Исин были покинуты около 1720 г. до н.э. Города северной части аллювия просуществовали несколько дольше. Дильбат и Киш были покинуты большей частью населения после 1611 г. до н.э. а Сиппар после 1606 г. до н.э. Последней точкой в длительном процессе упадка городских систем Южной Месопотамии оказалось разрушение Вавилона в 1595 г. до н.э.

После пика дезурбанизации середины II тыс. до н.э. фундаментом центральной власти в Южной Месопотамии долгое время оставались сельские поселения провинции. В 14–13 вв. до н.э. касситские правители Вавилона организовали масштабные работы по восстановлению ирригационной системы и возрождению южных городов. Однако во вновь формирующихся по «инициативе сверху» городских структурах отсутствовал сколько-нибудь масштабный уровень автономии, выборности и самоуправления. Максимум, на что могли рассчитывать в новых условиях самые богатые и древние города — это привилегии (*kidinnūtu*), которые даровались им царем и царем же могли быть отобраны. Тем не менее, многочисленные города Южной Месопотамии и в последующие века вплоть до конца периода древности сохраняли явный отпечаток той модели городского устройства, которая возникла на юге в середине IV тыс. до н.э.

Содержание вышеприведенного текста можно схематически представить в виде следующей таблицы:

I.	II.	III.	IV.
	Структура поселений	Институты управления	Этнические группы
3500–3000	Формирование первых городских систем (urbanization) на фоне значительного количества сохраняющихся сельских поселений	Городское самоуправление на основе выборности из числа представителей отдельных городских групп	шумеры
3000–2500	Рост числа городских систем, значительное уменьшение количества сельских поселений (deruralization=rural abandonment).	Городское самоуправление на основе выборности, усиление в системе управления позиций отдельных родственных кланов	Шумеры /аккадцы
2500–2000	К концу периода проявляются первые признаки упадка отдельных городских хозяйств, одновременно идет заметное увеличение числа сельских поселений.	Появление института царской власти, который «накладывается» на институты городского самоуправления	Аккадцы /амореи

I.	II.	III.	IV.
2000–1500	Старые города покинуты и разрушены (deurbanization= urban abandonment), сельские поселения, в основном, сохраняются, и число их растёт (ruralization)	Усиление конфликтов между институтами городского самоуправления и центральной властью	Аккадцы /амореи /касситы

Литература

1. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / И. М. Дьяконов (ред.). Ч. I. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. 534 с.
2. Козырева Н. В. Взаимодействия этнических групп в ранней истории Месопотамии // Вестник Древней Истории. 2011. № 3. С. 3–29.
3. Козырева Н. В. Этнолингвистический состав населения Месопотамии в начале II тыс. до н.э. // Вестник СПбГУ, серия 13. 2014. №2. С. 84–95.
4. Козырева Н. В. Очерки по истории Южной Месопотамии периода ранней древности (VII — середина II тыс. до н.э.). СПб.: Контраст. 2016. 552 с.
5. Adams R. M. Heartland of Cities: Surveys of Ancient Settlement and Land Use on the Central Floodplain of the Euphrates. Chicago: University of Chicago Press. 1981. 383 p.
6. Biggs R. D. Semitic names in the Fara Period // Orientalia. Roma: Nova Series, 1967. Vol. 36. P. 55–66.

7. *Charpin D.* Immigrés, réfugiés et déportés en Babylonie sous Hammu-rabi et ses successeurs // La circulation des biens, des personnes et des idées dans le Proche-Orient ancien. Actes de la XXXVIIIe Rencontre Assyriologique Internationale (Paris, 8–10 July 1991) / *D. Charpin, F. Joannès (eds.)*. Paris: Editions Recherche sur les Civilizations, 1992. P. 207–218.

8. *Koppen Van F.* Aspects of Society and Economy in the Later Old Babylonian Period // *G. Leick (ed.)*, *The Babylonian World*. New York; London: Routledge, 2007. P. 210–223.

9. *Richardson S.* The Many Falls of Babylon and the Shape of Forgetting // *Envisioning the Past through Memories: How Memory Shaped Ancient Near East Societies*. London; New York: Bloomsbury, 2016, P.101–142.

Ethnopolitical processes in Southern Mesopotamia during the period of early antiquity (3500–1500 B.C.)

*Nelly V. Kozyreva, Doctor of History, Institute of Oriental Manuscripts,
Russian Academy of Sciences; Oriental Department
of St. Petersburg University*

Primary stage of the history of Southern Mesopotamia within the framework of which the formation and the initial development of Mesopotamian civilization occurred conditionally called as a period of early antiquity. The formation of large urban systems in the second half of the IV mill. B.C. can be considered as its beginning, and the decline of Southern Mesopotamia cities and destruction of their economic systems in 18–17 centuries B.C. put the end of this stage of the Ancient Mesopotamia civilization history. The study of synchronous archaeological and written material allows tracing to some extent what changes in the structure of cities and settlements, the nature of governance institutions and the ethnic composition of the population took place in Southern Mesopotamia during the period of early antiquity.

Keywords: Early antiquity, urban systems, ruralization, province settlements, deurbanization, ecological problems, migrations.

«Владыки жизни»: изображения саркофагов на памятниках из Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина

Лаврентьева Н.В.,

канд. искусствоведения, ГМИИ им. А.С. Пушкина

Форма изображений и моделей саркофагов может отличаться от стиля, формы и декора полноразмерных саркофагов, используемых в определенном месте и в определенную эпоху. Мы можем видеть одновременное применение изображений и антропоидных полноразмерных саркофагов и ящикообразных форм в моделях и иероглифических детерминативах. Эта асинхроничность между формами и типами полноразмерных саркофагов и их изображений на различных предметах погребального инвентаря и на стенах гробниц и является предметом рассмотрения.

Ключевые слова: саркофаг, антропоидный саркофаг, модель, погребальный инвентарь, ящик для ушебти, гробница.

Саркофаг является важной частью погребального инвентаря на протяжении всей египетской истории. Формирование и эволюция саркофага на протяжении этого длительного периода — предмет многочисленных исследований. Однако не только саркофаг как предмет, но и его изображения в качестве иллюстрации можно найти на разных типах предметов, связанных с погребением: модели скульптур, ящички для ушебти, рельефы на стенах гробниц, картонажи мумий и т.д.

1. *nb ʿnh* — описывает функцию саркофага какместилища тела погребенного, способного возродить покойного к жизни. Используется с Древнего царства, даже персонифицируется в качестве божества [5, с. 613],

в Среднем царстве получает особое распространение [6, с. 1240–1241], особенно в «Текстах Саркофагов» [3: 54, 60, 75, 160, 312, 340, 441, 534, 647, 750].

2. внутреннее пространство — описывается как Нут, утроба матери богов, дающая возрождение Солнцу, создающая циклическое обновление вселенной.
3. *krsw* — физическая оболочка, окружающая покойного. Может обозначать и саркофаг, и погребение в целом, и гробничный инвентарь. Представляет форму архаического наоса Нижнего Египта — *pr nw*. Слово *krsw* описывает древний тип египетского саркофага, но может иметь детерминатив также и в форме антропоидного саркофага.

Слово *krsw* часто пишется через знак *ks* (Т19) — как и костяной гарпун, кость, а также определения — «болезненный, сложный, опасный». Через этот знак пишется и «скульптор, резчик» (*ksty*). С основой *kr* также связаны «пещера» (*krrt*), «буря» (*kri*), сумка (*krft*), «сосуд» (*krht*) и дверной замок (*k3rt*). То есть, с одной стороны, это то, что связано с костью и резьбой, с другой — то, что сокрывает в себе нечто.

Форма изображений и моделей саркофагов может отличаться от стиля формы и декора полноразмерных саркофагов, используемых в определенном месте и в определенную эпоху. Мы можем видеть одновременное применение изображений и антропоидных полноразмерных саркофагов и ящикообразных форм в моделях и иероглифических детерминативах. Ящикообразные «ларцы» Среднего царства используются в гробницах вельмож вместе с «традиционными» *krsw*-образцами моделей гробниц. Например, на моделях лодок представлены наосообразные саркофаги, характерные для эпохи Древнего царства. Эта асинхроничность

изображения типов саркофагов и является предметом обсуждения.

В коллекции Государственного музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина представлены объекты с изображениями саркофагов разных эпох, которые иллюстрируют восприятие центрального предмета гробницы и одного из устойчивых мотивов египетского религиозного искусства.

От времени Нового царства и III Переходного Периода в экспозиции представлены типичные антропоидные саркофаги, а модели по-прежнему демонстрируют формы Древнего царства. Но есть и исключение — саркофажцы для ушебти Сеннеджема из Дейр эль-Медины. Иероглиф *ḳrsw* может иметь детерминатив в форме антропоидного саркофага, но чаще — классический, т.о. при изготовлении моделей следуют за формой иероглифики, то есть модель по природе своей иероглифична.

Иногда *ḳrsw* — это не саркофаг, а обозначение всей гробницы с заупокойным инвентарем или наос, а иногда в моделях 3D изображение иероглифа, то есть помещают фигурку в иероглиф.

Литература

1. Берлев О. Д., Ходжаши С. И. Путь к бессмертию. Памятники древнеегипетского искусства из собрания ГМИИ имени А.С. Пушкина. Москва: Восточная литература, 2002. 320 с.
2. Ланис И. А. Саркофаг Маху из Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина // Вестник Древней Истории. 1956. № 4. С. 157–160.
3. de Buck A. The Egyptian Coffin Texts. Chicago: University of Chicago Press, 1935–1961. Vols. I-VII.

4. *Forman W., Quirke S.* Hieroglyphs & the Afterlife in Ancient Egypt. Norman: University of Oklahoma press, 1996. 101 p.
5. *Hannig R.* Ägyptisches Wörterbuch. Bd. 1: Altes Reich und Erste Zwischenzeit. Darmstadt: Philipp von Zabern, 2003. 1681 S.
6. *Hannig R.* Ägyptisches Wörterbuch. Bd. 2: Mittleres Reich und zweite Zwischenzeit. Darmstadt: Philipp von Zabern, 2006. 3274 S.
7. *Taylor J. H.* Death and the Afterlife in Ancient Egypt. Chicago: University of Chicago Press, 2001. 206 p.
8. *Taylor J. H.* Egyptian Mummies. London: The British Museum Press. 2010. P. 76–103.

The ancient Egyptian perception of *nb ꜥnh*: the images of coffins on the items from the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow

*Nika V. Lavrentyeva, PhD
The Pushkin State Museum of Fine Arts*

The form of coffin images and models can differ from the style, form and décor of full-size coffins used in particular epoch and place. We can see simultaneous applying of anthropoid full-sized coffins and the box-forms in models and hieroglyphic descriptions. This asynchrony between the forms and types of full-sized sarcophagi and their images on various objects of funerary implements and on the walls of tombs is the subject of discussion.

Keywords: coffin, anthropoid coffin, model, funerary equipment, shabty-box, tomb.

«Люди Тифона» и «поясоносцы»: к интерпретации двух терминов «Оракула горшечника»

*Ладынин И.А., канд. ист. наук, исторический факультет МГУ
им. М.В. Ломоносова*

В докладе высказано предположение, что обозначения врагов Египта в «Оракуле горшечника» - «поясоносцы» (ζωνοφόροι) и «люди Тифона» (Τυφώνιοι) - восходят к созвучным между собой египетским словам *Stuṯ* («азиаты», в переосмыслении на основе знака S_{22A}) и **Stuṯ* («люди Сета, Сетовы»).

Ключевые слова: Египет, язык, иероглифика, эллинизм, македоняне, Сет, «Оракул горшечника».

«Оракул горшечника» - грекоязычное, но вне сомнения принадлежащее к египетской традиции произведение [12, 14], точная датировка и обстоятельства создания которого обсуждаются более столетия (подробно об истории его изучения см.: [4, с. 41–111]). В его основе — обостренная реакция элиты Египта (видимо, во II–I вв. до н.э.) на владычество македонских правителей как на время тяжелых бедствий. Его начало привязано к появлению в Египте города, обозначенного как «строящийся, основываемый город», а также как «(город,) который, богов [зано]во отлив, собственное изваяние для себя самого сде[лает]» (Рз. Col. I.2–4: εἰςβὰς εἰς τὴν κτιζομένην πόλιν, ἥτις τοὺς θεοὺς | [ἐκ καί]νοῦ χωνεύσασα ἴδιον πλ[ά]σμα ἑαυτῇ ποιή[σει]; здесь и ниже мы используем перевод К.В. Кузьмина с некоторыми коррективами). В данном пассаже мы явно видим греческую передачу (возможно, с элементами игры смыслов) египетского обо-

значения *R^c-qd* (букв. «место стройки»; cf. Urk. II. 14.16), относившегося к месту основания Александрии и далее к одному из ее кварталов [8]; а упоминание об изготовлении для этого города «собственного изваяния» путем «переплавки» богов, возможно, относится к учреждению в Александрии культа Сараписа [18].

Уже в контексте этого упоминания об Александрии прямо говорится, что ее основатели — «люди Тифона» (буквально «тифонцы»; P₃. Col. I.4: ἰδρ]υθεῖσα{σα} δὲ ὑπὸ τῶν Τυ[φ]ωνίων). Далее в тексте речь идет о «времени тифонцев», в течение которого «[не совершит ни один царь] божественной победы» (id. 7–9: βασιλ]ἐς θεῖαν νίκην ἐν τινὶ καιρῷ τῶν | [Τυ]φωνίων), Египет окажется «отданным злодеяниям» (id. 15–16: ἐν τε τοῖς τῶν Τυφωνίων καιροῖς | [ἔστ]αι Αἴγυπτος κακῶν ὀργημένη δεινοῖς; cf. P₂. Col. I.3–5), и в нем начнутся природные бедствия. Предел этим тяготам наступит, когда некий бог (в одном списке «Оракула горшечника» Гефест, в другом — «Мэфис», т.е. чтимая в Мединет Абу ипостась Амона-Кематефа) захочет «в свой город вернуться» (очевидно, из Александрии): после этого враги Египта, обозначенные теперь термином «поясоносцы», начнут убивать сами себя, «будучи тифонцами» (P₂. Col. I.12–14: ἐπεὶ ὁ μέγας θεὸς Ἦφα[ισ]τος ἐβ]ουλήθη | εἰς τὴν | [πόλιν ἀνελθ]εῖν καὶ ἑαυτοὺς οἱ ζωνοφόροι ἀνελοῦσι<v> ὅν|τες Τυφώνιοι; P₃. Col. 25–27: ὁ γὰρ] Μῆφης ἐβουλήθη εἰς τὴν | [πόλιν ἀνελθ]εῖν καὶ ἑαυτοὺς οἱ ζωνοφόροι ἀνελοῦσι<v> ὅν|τες Τυφώνιοι). Этот же мотив самоистребления врагов Египта повторяется в подробном описании окончательного исхода его бедствий: «город

поясоносцев» будет опустошен (P₂. Col. I.32: τῶν ζωνοφόρων πόλις ἐρημωθήσεται; P₃. Col. III.44: τῶν ζωνοφόρων πόλις <ἐρημωθήσεται>), словно печь про-
 износящего это предсказание «горшечника», «сами себя
 поясоносцы будут убивать, будучи тифонцами сами по се-
 бе» (P₂. Col. I.27–28: ἐαυτοὺς δ' ὁ ἱ ζωνοφόροι ἀνε-
 λοῦσι <ν> ὄντες τῶν φώνιων καὶ (?) αὐτοὶ <ν>; P₃.
 Col. III.49–50: καὶ ἐαυτοὺς οἱ ζωνοφόροι ἀνελοῦσι <ν>
 ὄντες καὶ αὐτοὶ τῶν φώνιων), а египетские боги вернутся
 в древнюю столицу Мемфис (P₂. Col. II.). Тогда придут
 в норму искаженные природные процессы, ибо «во [време-
 на] тифонцев солнце скрылось, (а теперь вот) воссияет оно,
 озарив возмездие за беды и малочисленность поясоносцев»
 (P₂. Col. II.47–49: ἐν γὰρ τῷ τῶν Τυφωνίων <καὶ ὥ> ὁ
 ἥλιος ἡμαυρώθη ἐκλάμψας δίκην τῶν κακῶν <καὶ>
 δεΐξας {καὶ} σπάνιν ζωνοφόρων).

Как видно, термины «тифонцы» и «поясоносцы» относят-
 ся к македонянам и грекам, основавшим и населившим
 Александрию. Значение первого из них достаточно очевид-
 но: Тифон — греческое соответствие египетскому богу Сету
 [21, р. 149], в Позднее время воспринимавшемуся как олице-
 творение всего противоположного началу нормы-*маат*
 [2, с. 86–87]. Сообразно этому, под властью «людей Тифона»
 в Египте пресекается нормальный ход явлений природы,
 а сами они могут истреблять не врагов, а самих себя (их при-
 рода «тифонцев» в соответствующих контекстах приводится
 как бы в объяснение их самоистребления). Вторжение Сета
 в Египет — метафора реального чужеземного вторжения,
 грозившего Египту накануне эллинизма, в т.н. «Книге побе-
 ды над Сетом» (Urk. VI. 1-59): длинное название этого рели-

гиозно-магического текста, ритуалы которого должны были отвести от Египта чужеземную угрозу, начинается со слов «Ритуал для низвержения Сета с союзниками его...» (id. 5.2: *nt-^c n shr Stš hn^c smiw.f*), причем содействие Сету во вторжении в Египет неких спутников отмечается и в «Сказании о Хоре Бехдетском, Крылатом Солнце» [6, с. 271–280]. В «Оракуле горшечника» чужеземных врагов Египта характеризуют также слова «безбожный» (P₃ Col. II. 27–30: «καταστρέψει» ὁὖν τοῖς ποριζομένοις ἀσεβεῖς [ὄντας; cf. P₂. Col. I.14–16) и «нечестивый» (P₂. Col. I.18: ἐκ τῶν ἀνοοίων); первое из них обозначает в греческой традиции по крайней мере однажды непосредственно Тифона-Сета, в связи с убийством им Осириса (Diod. I.21.1: φασὶ γὰρ νομῖμως βασιλεύοντα τῆς Αἰγύπτου τὸν Ὅσιριν ὑπὸ Τυφῶνος ἀναιρεθῆναι τὰδελφοῦ, βιαίου καὶ ἀσεβοῦς ὄντος). Оба эти слова можно сопоставить с египетским термином *hfty* («противник»; Wb.III. 276–277), обозначающим в «Книге победы над Сетом» в ед. ч. самого Сета (Urk. VI. 37.18, 39.16, 41. 6, 8; и др.), а во мн. ч. — его союзников (например: id. 35.21, 41.10, 17; и др.). Его исконное значение в применении к божествам достаточно сложно [1, с. 41, со ссылкой на: 19], однако накануне и во время эллинизма он очевидно обозначает просто враждебность сил, связанных с Сетом, благим богам и благому началу. В целом едва ли могут быть сомнения в том, что обозначение «люди Тифона» связано с перенесением на македонян этой метафоры подчинения Египта чужеземцами и с представлением о них в связи с ней как о «спутниках» или «союзниках» Сета.

Значительно более смутен по своему значению термин «поясоносцы». В свое время В.В.Струве полагал, что египтяне могли именовать так солдат иноземных армий, прежде

всего, персов [20, р. 274–275]; Л. Кенен связал этот эпитет с эпизодом сожжения Птолемеем II на острове в Дельте наемников-галлов, которые в греческой иконографии изображались в поясах [13, р. 182–183, 185, п. 116]; В. Кларисс обнаружил демотическое слово *snwprwrs*, как будто воспроизводившее греческое ὁ ζῶνοφόρος и обозначавшее воинов или стражей [7, р. 177]. Последнее наблюдение, в случае его справедливости, важно для оценки распространенности данного эпитета, причем именно в его греческой форме, однако не объясняет его происхождение. При этом все приведенные интерпретации так или иначе исходят из того, что пояс — атрибут тех, кто служит государству с оружием в руках, то есть в эллинистическом Египте прежде всего македонян и греков. В связи с этим показательна цитата из неизвестного византийского автора в словаре «Суда» (s.v. ζώνη): «Ибо императрица искала изгнать не только частных лиц, но и тех, кто носил пояс» (ἀναζητούμενους τῆς βασιλίδος ὠθεῖσθαι οὐ μόνον ἰδιώτας, ἀλλὰ καὶ τοὺς ὑπὸ ζώνην; цитата указана не очень точно в «Греческо-египетском словаре» Г.Дж. Лидделла и Р. Скотта: LSJ 759, s.v. ζώνη, II.3). Здесь пояс явно представлен как принадлежность государственных служащих, что близко предполагавшемуся смыслу термина «Оракула горшечника». Нельзя исключить, что на его словоупотребление могла повлиять такая символика пояса; но все же македоняне и греки в эллинистическом Египте и особенно в Александрии — это не только воины, стражи и чиновники, да и роль египтян в войске и администрации этого времени была ограниченной, но не нулевой. Кроме того, существенный нюанс ряда пассажей «Оракула горшечника» — теснейшая связь между эпитетами «люди

Тифона» и «поясоносцы», по сути дела, их полная эквивалентность и взаимозаменяемость.

Между тем одно из самых широких обозначений чужеземцев-азиатов в древнеегипетском языке — это термин *Sṯtyw* или *Sṯtyw* (Wb. IV. 348.6), относительное прилагательное от слова *Sṯt* или *Sṯt*, обозначавшего земли к северо-востоку от Египта (id. 348.3). В I тыс. до н.э. это слово стало политонимом межрегиональных азиатских держав и употреблялось, в частности, для обозначения державы Аргеадов и державы Селевкидов [5; 15]. В его стандартном написании использовался знак GG(SL) S₂₂ - изображение наплечного узла [9; 10, p. 506]. Однако П. Ньюберри обратил внимание на то, что в I тыс. до н.э. этот знак систематически заменяется знаком S_{22A} [16, p. 321; см. варианты написания в эллинистическое время: 22, t. 3, p. 635–636, S_{323–331}] - своего рода ассимиляцией GG(SL) S₂₂ и GG(SL) S_{17*} (изображения пояса или передника, который носят разные боги [10, l.c.]). Уже во II тыс. до н.э. вариативность в начертаниях последнего знака приводит к его смешению с GG(SL) S₂₂; кроме того, он прочно ассоциирован со словами *šsmt* (Wb. IV.539.1–3: малахит) и (T3-) *šsmt* (id. 538.12–13: страна к востоку от Египта, богатая малахитом и медью). Последнее слово, возможно, обозначало такой важный в древнейшие времена источник малахита и меди для Египта, как Синай [11]; и его же, весьма вероятно, изначально обозначало слово *Sṯt/Sṯt*. Логика их смешения по смыслу и в иероглифическом написании достаточно прояснена наблюдением Ньюберри о том, что встречающееся сначала выражение *bi3 šsmt* «медь (страны) *šsmt*» замещается выражением «медь Азии» (*bi3 Sṯt*), частым в поздних текстах. Этот же исследователь привел целый ряд примеров из текстов эллинистического времени,

в которых знак, восходящий к написанию слова *Šsmt*, употребляется в слове *Štt/Štt* (Urk. II. 4, 16, 70, 76, 128, 157). Кстати, Ньюберри указал лишь один (Urk. II.16.14) из трех примеров соответствующего знака в «Стеле сатрапа» 311 г. до н.э. (см. также: id. 13.4, 14.9): между тем во всех них сходство в его написании со знаком GG (SL) S₁₇*, базовым для слова *Šsmt*, выражено в наличии в центре знака вертикальных линий ().

Этимология обозначения *Štt/Štt* неясна [5, с. 4–5, прим. 5], однако коль скоро базовый для его написания знак в I тыс. до н.э. ассоциирован с изображением пояса, относительное прилагательное мн.ч. от этого слова могло трактоваться как «люди с поясами, опоясанные» (букв. «относящиеся к поясу, поясные»). Распространение этого обозначения на македонян и греков неудивительно: в «Стеле сатрапа» термином *Štt* обозначена Македония - явно не по ошибке, а как часть преемственной от Ахеменидов межрегиональной державы [5]. В таком случае допустимо считать, что данное обозначение легло в основу термина «поясоносцы» в «Оракуле горшечника». Собственно, передача в нем египетского обозначения *R^c-qd* показывает, что его авторы использовали греческие соответствия египетских имен.

Вернемся теперь к отмеченной нами тесной связи между терминами «поясоносцы» и «тифонцы». В Позднее время обозначение *Štt/Štt* встречается в написании по преимуществу во втором его варианте, с уже состоявшимся переходом корневого *t̥* в *t* (см. примеры в: [15]), причем окончание *t* в эту эпоху за редкими исключениями не произносилось [17, p. 155]. Тем самым звучание данного слова должно было свестись к *st*, так что неудивительно появление знака с этим фонетическим значением в несомненных написаниях

слов *Stt* и *Sttyw* (например, знака GG(SL) F₂₉:

DZA29834820=Edfou II.466:   ;

DZA29836330=Edfou I.140:   ; помимо фонетического совпадения, употребление этого знака, очевидно, мотивировано и тем, что он базовый в написании близкого по смыслу слова *styw* — «лучники, азиаты», cf. Wb. IV.328). С другой стороны, имя бога Сета к Позднему времени утрачивает изначально свойственные его корню средний полу-согласный (*w*) и финальный согласный (*h*, *h* или *š*) и фактически приобретает звучание *St* (cf. *Plut. De Is. et Os.* 49: Σήθ) [21, р. 2–3]. Однако в таком случае слово «Азия» и имя бога Сета в египетском языке Позднего времени были в звучании очень близки, во всяком случае на уровне полного совпадения их консонантного состава. Не следует ли тогда допустить, что «тифонцы» в «Оракуле горшечника» - это греческое соответствие вполне вероятному относительному прилагательному мн. ч. от имени «Сет», которое выглядело бы **Styw* и содержало бы аллитерацию со словом *Sttyw* («азиаты», в постулированном нами его истолковании «опоясанные»)? Соотнесение этих слов в звучании (как и по смыслу, коль скоро чужеземцы для египтян и в самом деле связаны с Сетом) надежно объяснило бы тождество терминов «поясоносцы» и «тифонцы» в «Оракуле горшечника». Между прочим, в «Текстах пирамид» прилагательное *stšy*, *sthy* зафиксировано как обозначение принадлежащих Сету городов (Wb. IV.345.6), однако, конечно, нет уверенности, что именно оно было в эллинистическое время наделено постулируемым нами смыслом обозначения спутников Сета.

Предлагая такую интерпретацию терминов «Оракула горшечника», мы не думаем, что в их основе лежало слово-

употребление, общеизвестное во времена сложения этого текста. Чтобы понять их адекватно, читатель «Оракула...» должен был по меньшей мере знать, как выглядит средне-египетское слово *Sttyw* («азиаты») в иероглифической записи; да и понять метафорику этого текста он мог, лишь будучи неплохо начитан в египетской литературной традиции (включая, весьма вероятно, и классическую среднеегипетскую: [14, S. 172–179]). Равным образом, читатель «Оракула...» должен был владеть греческим языком: учитывая, что разговорную речь передавали только ранние демотические тексты [3, с. 211], мы считаем вероятным, что этот текст был изначально написан по-гречески, т.е. на том живом языке Египта, для которого имелась письменная форма, хотя, вероятно, египтянином (см. об особенностях языка этого текста: [14, S. 180–182]). В таком случае рассмотренные нами термины вполне могут быть уникальной игрой слов, возникшей при передаче смысла египетских лексем средствами греческого языка и рассчитанной на читателя с достаточно высоким «образовательным цензом».

Список сокращений

DZA Digitalisiertes Archiv des Wörterbuch der ägyptischen Sprache // Thesaurus Linguae Aegyptiae
(URL: <http://aaew2.bbaw.de/tla/index.html>; дата обращения: 30.10.2017).

Edfou Rochemonteix M. de, Chassinat É., Cauville S., Devauchelle D. Le Temple d'Edfou. Le Caire: IFAO, 1897 .

GG(SL) обозначение египетского иероглифического знака по [10, p. 432—531].

LSJ Liddell H.G., Scott R., Jones H. S. A Greek-English Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1996. 2448 p.

P2, P3 – обозначения списков «Оракула горшечника» (соответственно, pRainer = pWien G.19813 и pOxy. 2332; см. подробнее [12]).

Urk. II. Sethe K. Hieroglyphische Urkunden der griechisch-römischen Zeit. Leipzig: Hinrichs, 1904–1916. Hft. 1–3 (Urkunden des ägyptischen Altertums; 2).

Urk. VI. Schott S. Urkunden mythologischen Inhalts. Leipzig: Hinrichs, 1929–1939. Hft. 1–2 (Urkunden des ägyptischen Altertums; 6).

Wb. Erman A., Grapow H. Wörterbuch der ägyptischen Sprache. Neudruck. B.: Akademie-Verlag, 1955. Bd. I–V.

Литература

1. Берлев О.Д. Трудовое население Египта эпохи Среднего царства. М.: Наука. Глав. ред. вост. лит-ры, 1972. 364 с.; илл.
2. Карлова К.Ф. Образ бога Сета в древнеегипетской религии Позднего периода (на материале ритуально-магических текстов и памятников оазисов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., Институт востоковедения РАН, 2016. 273 с.
3. Коростовцев М.А. Введение в египетскую филологию. М.: Изд-во вост. лит-ры, 1963. 280 с.
4. Кузьмин К.В. Древнеегипетские представления об исторических циклах в пропагандистских текстах эллинистического времени (на материале «Оракула ягненка» и «Оракула горшечника»). Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М.: ИВ РАН, 2017. 337 с.
5. Ладынин И.А. Обозначение *Stt* в «Стеле сатрапа» (Urk. II. 13.4): к восприятию мировой державы Аргеадов на Востоке // Вестник древней истории. 2002. № 2. С. 3–19.

6. Матъе М.Э. Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта. М.: Восточная литература, 1996. 326 с.; илл. (Исследования по фольклору и мифологии Востока).
7. Clarysse W. The City of the Girdle-Wearers and a New Demotic Document // *Enchoria*. 1991. Bd. 18. S. 177–178.
8. Depauw M. Alexandria, the Building Yard // *Chronique d'Égypte*. 2000. T. 75. P. 64–65.
9. Engelbach R. The Sign *st* // *Annales du Service des Antiquités de l'Égypte*. 1929. T. 29. P. 33–39.
10. Gardiner A.H. *Egyptian Grammar*. 3rd ed. Oxford: Oxford University Press, 1957. XXXVI, 646 p.; ill.
11. Gundlach R. Malachit // *Lexikon der Ägyptologie*. Bd. III. Wiesbaden, 1980. Sp. 1166–1167.
12. Koenen L. Die Prophezeihungen des „Töpfers“ // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1968. Bd. 2. S. 178–209.
13. Koenen L. Die Adaption ägyptischer Königsideologie am Ptolemäerhof // *Egypt and the Hellenistic World. Proceedings of the International Colloquium, Leuven, 24-26 May 1982* / Ed. E. Van't Dak. Leuven: Peeters, 1983. (*Studia Hellenistica*; 27). P. 143–190.
14. Koenen L. Die Apologie des Töpfers an König Amenophis oder das Töpferorakel // *Apokalyptik und Ägypten: Eine kritische Analyse der relevanten Texte aus dem griechisch-römischen Ägypten* / Hrsg. A. Blasius, B.U. Schipper. Leuven: Peeters, 2002. (*Orientalia lovanensia analecta*; 107). S. 139–187.
15. Ladynin I.A. The Near Eastern Empires of the First Millennium B.C. in Terms of Ancient Egyptian Texts: The Name Stt/Stt // *Scripta antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры*. Вып. 1. М.: Собрание, 2011. С. 128–153.
16. Newberry P.E. Šsmt // *Studies presented to F. Ll. Griffith. L.: Egypt Exploration Society, 1932*. P. 316–323.

17. Peust C. *Egyptian Phonology: An Introduction to the Phonology of a Dead Language*. Göttingen: Peust & Gutschmidt, 1999 (Monographien zur ägyptischen Sprache, 2).
18. Pfeiffer St. *The God Serapis, His Cult and the Beginnings of the Ruler Cult in Ptolemaic Egypt // Ptolemy II and His World / Ed. P. McKechnie, Ph. Guillaume*. Leiden: Brill, 2008. (Mnemosyne. Supplements. History and Archaeology of Classical Antiquity; 300). P. 387–408.
19. Posener G. *Sur l'emploi euphemique de xfty(w) 'ennemi(s)' // Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1969. Bd. 96. S. 30–35.
20. Struve W.W. *Zum Töpferorakel // Raccolta di scritti in onore di Giacomo Lumbroso (1844-1925)*. Milano: Aegyptus, 1925 (= Pubblicazioni di "Aegyptus" – Serie scientifica; 3). P. 273–281.
21. Te Velde H. *Seth, God of Confusion: A Study of His Role in Egyptian Mythology and Religion*. Leiden: Brill, 1967. XIV, 168 p., 16 fig., 12 pl., frontispiece. (Probleme der Ägyptologie; 6).
22. *Valeurs phonétiques des signes hiéroglyphiques d'époque gréco-romaine / Fr. Daumas et al.* Montpellier: Université Paul Valéry, 1988-1995. T. 1–4.

“Typhonians” and “Belt-wearers”: An Interpretation of Two Words in the Potter’s Oracle

Ivan A. Ladynin, Ph.D. in History, Lomonosov Moscow State University

The paper forwards a hypothesis that the denotations of Egypt’s foes in the *Potter’s Oracle* “belt-wearers” (ζωνοφόροι) and “Typhonians” (Τυφώνιοι) go back to phonetically corresponding Egyptian words *Stryw* (“Asiatics”, rethought on the base of the sign S_{22A}) and **Stryw* (“those of Seth”).

Keywords: Egypt, language, hieroglyphics, Hellenism, Macedonians, Seth, *Potter’s Oracle*.

Праздники бога Монту в период Нового царства

*Миронова А.В., канд. искусствоведения,
Исторический факультет ГАУГН*

Статья посвящена праздникам древнеегипетского бога-воителя Монту. Рассматриваются праздники, отмечавшиеся в фиванских храмах Гермонта, Тода, Медамуда и Карнака. Изучаются сцены из рамессидской гробницы жреца Хонсу-Та (ТТ 31) с изображением плавания ладьи Монту из храма Гермонта в храм Тода и обратно. На основе сопоставления этих сцен с памятниками более раннего времени выявляется время проведения представленного праздника и его соотношение с двумя другими праздниками Монту, справлявшимися в Медамуде и Карнаке в течение сезона разлива.
Ключевые слова: Монту, праздники Древнего Египта, гробница Хонсу-Та, Гермонт, Тод, Медамуд, Карнак.

Культ бога Монту восходит к эпохе Древнего царства, когда устанавливается его почитание в фиванском регионе, в храме Гермонта. Изначально Монту почитался как солярное божество, а в период Среднего царства становится и богом войны. Обычно он изображался в виде человека с головой сокола, увенчанной двумя перьями и солнечным диском с двумя уреями. Такая иконография сближала его с богами Мином, Хором и Ра. Известны синкретические формы бога: Монту-Хор и Монту-Ра. С XII династии он также соотносится с образом быка [9].

Ко времени Нового царства окончательно складываются основные центры почитания Монту: в Гермонте, Тоде, Медамуде и Карнаке (рис. 1). Вместе они образовывали своего рода трапецию (т.н. «фиванский палладиум»), которая окружала Карнакский храмовый комплекс Амона-Ра, верховного божества Фив, символически защищая Амона-Ра и южный регион страны от врагов.

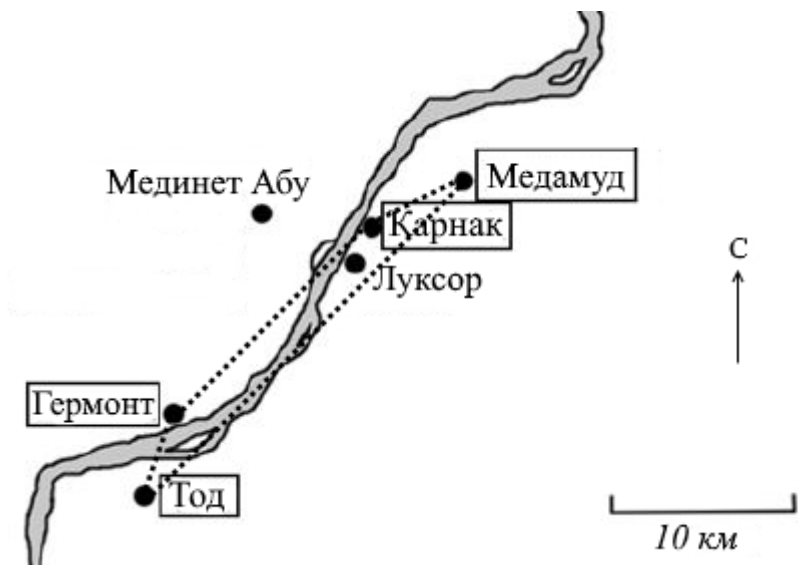

Рис. 1. Центры почитания Монту

Сведений о праздниках Монту сохранилось крайне мало. От эпохи Второго Переходного периода известны записи папируса Булак 18, сообщающие о двух праздниках, проходивших в храме Медамуда в сезон разлива: с 26-го по 28-й дни месяца *паофи* и с 17-го по 18-й дни месяца *атир* соответственно [4, р. 12; 6, р. 109, 115–116]. Вероятно, первый праздник упоминается в календаре Тутмоса III из Карнакского храма Ахмену [Urk. IV, 1272. 116]. Это дает основания предполагать, что программа праздника сохранилась в целом неизменной с эпохи Среднего царства. Как сообщает текст папируса, в ходе него происходил выход «быка Монту» и Хора из главного храма Медамуда в царский дворец. Видимо, в процессии участвовала не только статуя Монту, но и настоящий бык [9, р. 89]. Торжества проходили в открытом переднем колонном зале дворца, где музыканты ис-

полняли гимны в честь богов. Как заметил О.Д. Берлев, царский двор в то время пребывал в самих Фивах, находившихся в нескольких километрах от Медамуда [1, с. 56, прим. 43]. Возможно, праздничная процессия отправлялась из храма Медамуда в район Карнака, где уже в период Среднего царства, по-видимому, существовал храм в честь Монту.

Во время второго праздника статую бога уже не носили во дворец, а проводили торжества в том же самом колонном зале. Здесь устраивался пир, на который приглашались вельможи всех рангов, с их женами и детьми.

От эпохи Нового царства дошло изображение еще одного праздника в честь Монту, отмечавшегося в храмах Гермонта и Тода. Его сцены находятся в гробнице Хонсу-Та, являвшегося верховным жрецом культов «Монту, владыки Тода» и Тутмоса III в Гермонте (ТТ 31; Шейх абд-эль-Курна; время Рамсеса II). На стенах поперечного зала гробницы представлена процессия с баркой Монту, совершающая путешествие из храма Гермонта в храм Тода и обратно [3, pls. XI–XIII]. Сведений о времени проведения торжеств не сохранилось. Чтобы приблизительно восстановить программу праздника, обратимся к другим источникам, имеющим отношение к культу Монту и богов, связанных с ним.

Особый интерес для нас представляет стела жреца *уаба* Самонту (CG 20712), датируемая периодом XII династии, где упоминаются некие праздники Монту [7, р. 337–338; 9, р. 36–37]. В тексте сообщается, как Самонту обходил все храмы, посвященные этому богу, выполняя там предписанные ритуалы. Так, он нес барку Монту, снабжал алтари его Эннеады богов, совершал подношения «тем, кто сопровождал его /т.е. Монту. — А.М./». В надписи также встречается упоминание того, как Самонту проводил ритуалы

в храме Тода, после чего получил повеление бога совершить ритуалы в храме Медамуда.

На основании приведенной записи можно сделать предположение, что праздник Монту в Тоде предшествовал празднику в Медамуде. Вероятно, он справлялся в 1-й месяц сезона разлива (месяце *tot*). Соотнося эти сведения с текстами Булакского папируса и сценами гробницы Хонсу-Та, мы можем представить, что египтяне имели по меньшей мере два вида праздников Монту, один из которых включал процессию с баркой бога из Гермонта в Тод (месяц *tot*?), а другой — процессию из Медамуда в Карнак (месяц *паофи*). Таким образом, на протяжении сезона разлива жрецы обходили все храмы «фиванского палладиума», устанавливая тем самым магическую защиту Египта от его врагов и одновременно воспроизводя движение Солнца, поскольку Монту почитался и как солярное божество.

Рассмотрим подробнее программу праздника Монту в храмах Гермонта и Тода. Судя по росписям гробницы Хонсу-Та, священную барку божества сначала выносили из храма Гермонта и помещали на ладью, плывшую в храм Тода. Ладью тянули два военных судна; посередине одного из них находилась кабина, на крыше которой проходили ритуальные состязания на палках [3, рl. XII]. В празднике принимали участие жрецы заупокойных культов Тутмоса I и Аменхотепа II (правителей XVIII династии) — они показаны над барками во время совершения обрядов жертвоприношений. Скорее всего, эти обряды относились не только к культу Монту, но и к заупокойному царскому культу и проходили в храме Гермонта до отплытия ладьи бога в район Тода. Возможно, после проведения церемоний в святилище Монту жрецы совершали обряд воскурения и возлияния перед статуями царских предков, находившихся

в одной из часовен недалеко от святилища. Такая сцена показана, например, в гробнице Амонмоса, верховного жреца Аменхотепа I эпохи Рамсеса II (ТТ 19) [5, pl. XII].

По прибытии в храм Тода барку Монту приносили в часовню, где Хонсу совершал обряд воскурения и возлияния. По-видимому, следом шли церемонии подношений царским предкам — на это намекают звания жрецов Усерхата и Хонсу-Та, стоящих в часовнях перед жертвенными дарами: «управляющий (царицы) Тии в имении Амона» (Тия — жена Аменхотепа III) и «смотритель [скота] Менхепрура /т.е. Тутмоса IV. — *А.М.*/» соответственно. В обрядах участвовали близкие Хонсу-Та — его мать, «певица Монту», жена и дочь, которые держали в руках сестры и цветы. Очевидно, эти и другие участницы праздника, представленные чуть ниже, исполняли гимны в честь Монту и царских предков. Среди жриц упоминается служительница культа богини Тененет, супруги Монту. Не исключено, что ее статуя также присутствовала в церемониях.

На обратном пути из Тода переносную барку Монту помещали на ладью, плывшую в храм Гермонта в сопровождении двух военных судов. Во время плавания проходило очередное состязание на палках, причем на этот раз художник отобразил поражение одного из соперников [3, pl. XII]. Процессия прибывала на западный берег, и восемь жрецов несли барку Монту в храм (рис. 2). Навстречу им шли жрецы из храма Гермонта, подносявшие статую бога благовоения, воду и букет цветов и исполнявшие гимн: «Говорятся слова богом Монту, владыкой Гермонта. Приветствую! Ты прибыл из Тода, чтобы остановиться в Гермонте. Все твои люди встречают тебя, когда ты входишь в Гермонт. Радуются они, что ты пребываешь в нем» [3, pl. XIII; 9, p. 194]. Как можно заметить, гимн произно-

сился от имени Монту, обращавшегося к самому себе. По версии А. Гардинера, речь могла идти о двух видах статуй, одна из которых не покидала Гермонт, а другая — принимала участие в процессии [3, р. 17].

*Рис. 2. Сцена прибытия ладьи Монту в храм Гермонта.
Гробница Хонсу-Та (ТТ 31).*

Чтобы понять смысл путешествия жрецов со статуей Монту, представляется уместным обратиться к программе праздника Опет, во время которого статуя Амона Карнакского прибывала в храм Луксора для встречи со статуей Амона Луксорского. После этого происходило возрождение первого, вновь получавшего способность приносить разлив Нила [2, р. 289]. Очевидно, в ходе праздника Монту тоже происходила встреча двух ипостасей бога — «Монту, владыки Гермонта» и «Монту, владыки Тода», первая из которых получала силу от второй в храме Тода. Имеется в виду, прежде всего, военная сила, которую Монту затем передавал фараону и богам Эннеады, пребывавшим в Гермонте. Видимо, в приведенном гимне подразумевается обращение

«Монту, владыки Гермонта» к своему Двойнику-ка, обретшему былое могущество по возвращении из Тода — не случайно во второй сцене плавания появляется мотив поражения одного из участников состязания на палках, что символизировало победу бога и фараона над их врагами [8].

Праздник соотносился также с ипостасью Монту как солнечного бога — Монту-Ра. Плавание ладьи с западного берега на восточный напоминает миф о ночном путешествии Солнца с запада на восток по подземному Нилу. Заметим, что под сценой плавания ладьи Монту из храма Гермонта представлен Хонсу-Та, сидящий перед столиком с подношениями и различными светильниками. У стола стоит жрец, совершающий обряд возлияния и воскурения [3, pl. XI]. Приношение светильников усопшему было призвано осветить ему путь в загробном мире. Возможно также, эта церемония имела прямое отношение к эпизоду плавания ладьи Монту, проходившего ночью при свете факелов. Прибытие статуи Монту в святилище храма Тода, вероятно, символизировало возрождение Солнца на рассвете, а возвращение в Гермонт — его дневное плавание с востока на запад.

Источники (список сокращений)

Urk. IV — Sethe K. *Urkunden des aegyptischen Altertums*. Abteilung IV: *Urkunden der 18. Dynastie*. Leipzig-Berlin, 1906-1958.

Литература

1. Берлев О. Д. Замечания к папирусу Булак 18 // *Древний мир*. Сборник статей. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. С. 52–60.
2. Bell B. Luxor Temple and the Cult of Ka Royal // *Journal of Near Eastern Studies*. 1985. Vol. 44. P. 251–294.
3. Davies N. de G., Gardiner A. H. *Seven Private Tombs at Kurnah*. London: Egypt Exploration Society, 1948. 59 p.

4. *Drioton É.* Rapport sur les fouilles de Médamoud. Le Caire : Impr. de l'Institut français d'archéologie orientale, 1926. 130 p. (Fouilles de l'Institut français d'archéologie orientale du Caire, 4).
5. *Foucart G.* Le tombeau d'Amonmos. Le Caire : Impr. de l'Institut français d'archéologie orientale, 1935. Part. 1–3. (Mémoires / Institut français d'archéologie orientale du Caire 57).
6. *Griffith F. L.* The Account Papyrus No. 18 of Boulaq // *Zeitschrift für ägyptische Sprache and Altertumskunde*. 1891. Bd. 29. P. 102–116.
7. *Lange H. O., Schäfer H.* Grab- und Denksteine des Mittleren Reichs im Museum von Kairo II. Berlin: Reichsdruckerei, 1908.
8. *Piccione P.* Sportive Fencing as a Ritual for Destroying the Enemies of Horus // *Gold of Praise: Studies on Ancient Egypt in Honor of Edward F. Wente* / Eds. E. Teeter, J. Larson. Chicago: The Oriental Institute, 2000 (Studies in Ancient Oriental Civilization; 58). P. 335–349.
9. *Werner E. K.* The God Montu: from the earliest attestations to the end of the New Kingdom. Diss. ... in Philosophy. Yale University, 1985.

Feasts of the God Montu in the New Kingdom Period

*Alexandra V. Mironova, PhD (History of Art), State Academic University
for the Humanities*

This paper is devoted to the festivals of an Ancient Egyptian war-god Montu. The festivals celebrated in the Theban temples at Armant, Tod, Medamud and Karnak are considered. The scenes in the Ramesside tomb of Khonsu-Ta (TT 31), representing the travel of Montu's river bark from Armant to Tod and backwards are analyzed. Based on the comparison between these scenes and the sources of earlier period, author reveals the time of the festival's celebration and its relationship with other festivals of Montu, which took place in the temples at Medamud and Karnak during the Inundation season.

Keywords: Montu, Ancient Egyptian festivals, tomb of Khonsu-Ta, Armant, Tod, Medamud, Karnak.

Еще раз об умман-манда месопотамских текстов

Немировский А.А., канд. ист. наук, ИВИ РАН

«Умман-манда» — не произвольный конструкт месопотамской учености начала II тыс. до н.э., а понятие, отражавшее представление о существующей на дальнем севере (в регионе Кавказа) «варварской» общности, отдельные волны нашествий откуда иногда достигают Месопотамии. Исходно термин, видимо, был месопотамским названием расселявшейся в сиро-верхнеевфратском регионе этнокультурной общности II тыс. до н.э., соотносимой с переднеазиатскими (индо)-ариями того времени.

Ключевые слова: умман-манда, старовавилонский, Митанни, Манда (верхнеевфратск.).

Аккадский термин «умман-манда» до сих пор не получил твердого разъяснения [2; 3; 4]. Он мог применяться и в обобщенном смысле как «некие опустошительные варварские группы, вторгающиеся издалека, из отдаленных/периферийных / варварских регионов», и как конкретное наименование (фактически этнополитоним) определенных конкретных групп, причем второе использование оставалось очень редким, ограниченным лишь несколькими случаями — что привлекает внимание, если учесть, с каким множеством «варварских» и периферийных образований и врагов сталкивались жители Месопотамии. Этимология термина не помогает выяснить его историю, так как его первая часть означает «полчища, войско, отряд(ы), [организованная] группа, люди [как организованное единство для выполнения боевых и трудовых задач]», а вторая часть, “манда” — неизвестное слово, для которого было предложено множество гипотетических этимологий

из разных языков (от аккадского до индоевропейских), но ни одна из них не имеет положительных доказательств.

Термин «умман-манда» впервые употребляется в старовавилонский период, причем сразу в трех различных значениях, продолжая использоваться в тех же трех ролях и далее. В одной из них это слово обозначало, в обобщенном смысле, некую враждебную варварскую силу издалека, могущую вторгаться в Месопотамию. В этом значении термин впервые появляется в поздне-старовавилонских текстах о знамениях и гаданиях (иногда в этой роли он употребляется как перифрастическое, аллегорическое наименование какой-то известной общности, например, эламитов — но лишь окказионально, *ad hoc*, без применения его как устойчивого именования этой общности).

Другая ипостась «умман-манда» старовавилонских текстов — это умман-манда далекого исторического прошлого, связанные с разработанным месопотамским литературно-историческим сюжетом, сложившимся в старовавилонский период и представленным, прежде всего, в разновременных версиях т.н. «легенды о Нарам-Сине и вражеских ордах». Согласно ему, в древние времена шумерских династий и династии Аккада (т.е. в средние четверти III тыс.) где-то далеко на севере обитала некая варварская общность, именуемая составителями этих композиций «умман-манда» (здесь это не обобщенная категория, а наименование конкретной группы, существовавшей наравне с другими народами и политиями). Эти «умман-манда» дважды сталкивались с Месопотамией: Эн-Меркар, ранний царь Урука, победил их (его победа над умман-манда вводится как хорошо известный факт и в Хронике Вайднера), но при Нарам-Суэне Аккадском те же умман-манда совершили опустошительное наше-

ствие на Переднюю Азию с северо-запада на юго-восток, от центрально-восточной Анатолии до Персидского залива. Между тем источники самого III тыс. до н.э. не употребляют термин «умман-манда». Это оставляет нам два варианта: либо весь обсуждаемый сюжет является сознательной чистой выдумкой старовавилонских писцов, ошибочно осознан жителями Месопотамии на все последующие времена как достоверное сообщение о событиях их прошлого, или в данном сюжете эти писцы воспроизводили исторические воспоминания о каких-то реальных событиях и реальной группе варваров, но по какой-то причине назвали ее задним числом термином «умман-манда», возникшим в их культуре уже в их собственные времена. Второе представляется более вероятным.

Третий способ использования нашего термина в старовавилонский период и ближайшие следующие столетия заключался в том, чтобы применять его как обычный этнополитоним для определенной общности. «Манда» одного древнехеттского текста — одна из групп населения, с которой хетты сталкиваются в ходе войн с хурритами Сирии; в древнехеттских законах (§ 54–57) «умман-манда» названы в списке общностей, обитавших на восточной периферии хеттской сферы власти (две из них, в т.ч. Сала — к востоку от Верхнего Евфрата); в связи с этим Г.Капанцян указывал на древнеармянские источники, говорящие о соседящих друг с другом областях «Манда» и «Сал-» в бассейне Арацани [1, с. 135–139]. Если вслед ему связывать их с древнехеттскими Манда (и Сала), что вполне убедительно, то слово «манда» должно быть твердым и вполне конкретным названием соответствующей группы, поскольку никто на Армянском нагорье не стал бы именовать местную область аккадским термином (да еще категориаль-

ным / обобщающим). Текст сирийского правителя Идрими (ок. 1470 г. н.э.) именует Парраттарну, царя Митанни, впервой двумя титулами: «царь воинств хурри» и «царь воинств-манда [умман-манда]» (иной возможности чтения текст фактически не оставляет). Это может объясняться двояко: либо “манда” здесь используется как полный синоним «хурритов» (по крайней мере, верхнемесопотамским), или манда и хурриты были двумя разными компонентами для государственности Митанни, и Парраттарна мог быть титулуем по своей власти над каждым из них. Первый вариант (именно его предпочитает С. Адалы [2]) представляется не особенно вероятным: клинописные источники этого времени много раз упоминают хурритов, но под их собственным именем, не прилагая к ним термина «умман-манда»; стань этот термин обозначением хурритов (вообще или верхнемесопотамских), он встречался бы в наших источниках намного чаще. С наличием областей верхнеевфратских (позднее арменизированных при сохранении названий) областей Манда и Сала это объяснение тоже не вяжется. Между тем Митанни действительно было государством дуального генезиса, связанного с хурритами и пришлыми (возможно, к моменту прихода уже частично хурритизированными) переднеазиатскими ариями, основателями самого государства и династии Митанни; было бы только естественно аттестовать Парраттарну как царя по отношению к каждому из этих компонентов. В таком случае в манда надписи Идрими надо признать переднеазиатских ариев (как предполагал в свое время Э. Форрер, еще не зная текста Идрими). В общем, древнехеттские источники и текст Идрими используют термин «умман-манда» как обозначение определенной современной им этнической общности, присутствовавшей в Северной Сирии, Верхней

Месопотамии и верхнеевфратском регионе и, видимо, соотносящейся с переднеазиатскими (в т.ч. митаннийскими) ариями этого времени. Остальные примеры упоминания «манда» II тыс. (угаритское письмо XIII в. до н.э., старовавилонский архив из Чога Гаване, где термин «манда/манду» означает некую разновидность воинов или подразделений, и документ времени Зимри-лима из Мари, упоминающий в числе его служащих четырех «людей манда») не дают сведений о смысле термина.

В VII-VI вв. до н.э. ассири-вавилоняне вновь используют термин «умман-манда» как этнополитоним для определенной общности, теперь, правда, как эмфатический и архаизирующий — как название ираноязычных кочевников, пришедших из-за Кавказа, и связанных с ними сил.

Итак, наш термин функционирует в четырех основных значениях двух типов: в обобщенном смысле, обычно понимаемом как «некие (вторгающиеся) варвары издалека»; как конкретный этноним / обозначение трех общностей: 1) некоего реального или вымышленного варварского народа дальнего Севера, столкновения с которым приписывались древним Эн-Меркару и Нарам-Сину, 2) современных носителей термина групп населения, распространенных на Верхнем Евфрате и в смежных регионах и, видимо, соотносимых с переднеазиатскими ариями; 3) в архаизирующем эмфатическом употреблении — как обозначение «варварских» пришельцев, вторгшихся с Северного Кавказа. При этом для каждой эпохи наш термин используется как (квази)этноним лишь для одной определенной общности.

Но при этом он никогда не применялся в качестве подобного (квази)этнонима (будь то обычного или эмфатического) ни ко всем остальным бесчисленным «варварским» / отдаленным племенам, общностям и образованиям всех

известных макрорегионов месопотамской картины мира, ни к народам, живущим за этими макрорегионами (например, к грекам, лидянам, кушитах, индийцам, жителям восточного Ирана и Средней Азии и т.д.), а также к циркум-урмийским областям (в т.ч. маннеям), до-«имперским» мидянам и остальным иранским племенам и образованиям новоассирийской эпохи. Термин «умман-манда» применялся как (квази)этноним только к группам, ассоциируемым с севером и транс-загросским дальним северо-востоком. Тем самым его значение в обобщенном смысле слова должно быть уточнено до «отрядов варварских народов, чья родина лежит где-то у северной окраины мира, в регионах за Наири и др.», иными словами, при Кавказе, и нам следует добавить к перечню известных макрорегионов месопотамской картины мира (старовавилонского и последующих периодов) крайний северный, за-наирийский макрорегион, пришельцев откуда (и ассоциируемые с ними образования) и могли именовать «умман-манда».

Как могло возникнуть такое понятие? Из трех ранних значений термина, возникших в старовавилонский период — «варвары с (за)окраинного севера в общем смысле», «древние умман-манда Эн-Меркара и Нарам-Суэна» и «современные умман-манда Сирии, Верхнего Евфрата и Парраттарны» — только одно могло быть первичным, два других должны были быть деривативными. Семантика термина (не просто народ, а «отряды» этого народа) и время его появления в источниках побуждают считать, что первичным было именно третье значение: термин появился как обозначение определенных пришельцев с севера — сиро-верхнеевфратских «манда» старовавилонских времен, а потом применялся в общем смысле и к другим общностям (в т.ч. к легендарным северным варварам далекого прошлого) по ассоциации или в силу представлений о том, что они родственны указанным «манда». Вопрос о том, воз-

никло ли само слово «манда» на чисто аккадской почве (например, от *мандум* — дикая, незаселенная местность [2]), или связан с возможным названием переднеазиатских ариев митаннийского круга (ср. армянское верхне-евфратское *Манда*-, основу названия Митанни — *майтт*-, чередующиеся этнотопонимические основы *Мант*- и *Мат*- в приурмийской хурритской зоне) может быть решен только общими усилиями специалистов по индоиранской, кавказской, хурритской и семитской филологии.

Литература

1. *Капанцян Г. А.* Хайаса — колыбель армян. Ереван: изд-во Акад. наук Арм. ССР, 1947. 291 с.
2. *Adali S. F.* The Scourge of God: The Umman-manda and Its Significance in the First Millennium BC. Helsinki: Neo-Assyrian Text Corpus Project; Winona Lake, Ind.: Eisenbrauns, 2011, 218 p.
3. *Cornelius F.* ERIN-Manda // Iraq. 1963. Vol. 25/2. S. 167–170
4. *Komoroczy G.* "Umman-Manda" // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. 1977. Vol. 25. P. 43–67.

Umman-manda once more

Alexandre Nemirovsky, Ph.D, Institute of World History, Russian Academy of Sciences

"Umman-manda" is not a free construct of Mesopotamian scholarship of early II mill. BC but a concept reflecting the idea of a specific "barbarian" people of the farthest north (~Caucasus region), invasions wherefrom sometimes reach Mesopotamia. Originally the term was apparently the Mesopotamian name for Near Eastern (indo)-aryans of II mill., spreading first in Upper Euphrates region, North Syria and adjacent areas.

Keywords: umman-manda, Old Babylonian, Mitanni, Manda (Upper Euphrates).

К начальной истории киммерийцев

*Николаева Н.А., канд. ист. наук,
факультет истории, политологии и права МГОУ*

Начальная история киммерийцев и скифов связана с распадом прото-иранской общности (14/13–13 вв. до н.э.) и с западным вектором первых миграций ираноязычных племен. Ее реконструкция зависит от выбора шкалы хронологии и модели культурно-исторических процессов в степях Евразии в конце бронзового века от Енисея до Дуная. В статье рассматривается проблема преемственности отдельных этапов «киммерийской» культуры, и показан рост фракийского влияния на ираноязычное население Северного Причерноморья вплоть до ассимиляции части иранцев фракийцами и вытеснения их другой части за Волгу еще до скифо-киммерийского конфликта.

Ключевые слова: прото-иранская общность, миграции, скифы-земледельцы, киммерийцы, фракийцы.

Начальная история киммерийцев и скифов неразрывно связана между собой [10, с 72]. Это касается общности их происхождения и одновременного прихода в Поднепровье. В начальной истории киммерийцев и скифов остается еще много неясного, в том числе: 1) правомерность соотнесения исторических киммерийцев и скифов с археологическими памятниками XIII–VIII вв. до н.э.; 2) хронология начального периода истории киммерийцев и скифов; 3) определение исходного центра производства бронзовых удил и псалиев предскифского периода. Спорные вопросы историографии исчерпывающе разобраны в работах С.Б. Махортых [7, с. 11–59], В.Ю. Мурзина [8], Д.С. Раевского [10].

На основании сведений античных авторов (Гомер, Каллин, Гесиод) киммерийцы (или скифы и киммерийцы) обитали в Северном Причерноморье в начале VIII в. до н.э.

[3, с. 18; 14]. Однако термин «киммерийцы» археологи распространяют и на древности бронзового века юга России [13, с. 7–24], датируя их при этом 17–16 вв. до н.э. Сами скифы относили время своего появления на Днепре за 1000 лет до похода Дария, т.е. к XV в. до н.э. [Hdt. IV:7]. Лингвисты относят скифов и киммерийцев к индоиранской общности, распад которой связывают с уходом индоариев и датируют серединой II тыс. до н.э., появление же ираноязычных народов датируют с рубежа II тыс. до н.э. [10, с. 52–54].

Мы придерживаемся гипотезы [12, с. 34;15], согласно которой история киммерийцев и скифов изначально связана в разной степени с ираноязычной срубной культурой, сформировавшейся на основе праиранской ямно-полтавкинской культуры под влиянием как северо-западного импульса в виде абашевской культуры, так и восточного импульса в виде карасукской культуры, вызвавшей миграцию металлургов от Енисея до Волги и оставивших след в самусьской и кротовской культурах, а также могильники Ростовка, Сопка 2, Сейма, Турбино. Распад праиранской общности вызвал разновекторные миграции иранских народов со своей волгоуральской прародине [13, с. 40–42; 9, с. 56–57]. Рассмотрим западный вектор иранских миграций и определим, что входит в понятие «киммерийская культура», и кого следует считать киммерийцами.

На первом этапе в результате продвижения срубной культуры из районов Поволжья на запад и взаимодействия ее с субстратом, представленным позднекатакомбной культурой на территории степей Восточной Европы, на этой территории появляются памятники культуры многоваликовой керамики (далее — КМК) и позднекатакомбные памятники со срубными чертами в обряде и инвентаре

[12, с. 32]. Бородинский клад — наиболее выразительный символ этих исторических процессов от Центральной Азии до Подунавья на коротком хронологическом отрезке второй половины XIII в. до н.э. [11, с.75–128]. Подтверждением вхождения Бородинского клада в единый горизонт с КМК служит находка кинжала бородинского типа в курганном погребении с двумя сосудами КМК (Молдавия, Думяны 9/15). Бородинские топоры типологически относятся к шнуrokerамической традиции, представленной в финальной группе парадных серпентиновых топоров предкобанского этапа кубано-терской культуры, а копья являются центральноазиатской инновацией, вошедшей в арсенал срубников-иранцев.

Реально о первых контактах западных иранцев с фракийцами Подунавья в этот период можно судить по центральноевропейской группе предметов Бородинского клада, а именно, кинжалу [11, рис.8: 19, 21], булавке [11, рис.5: 1–3] и ее орнаменту [11, рис.7: XII, XIII].

На втором этапе складывается более тесный союз иранцев с фракийцами Подунавья, что выразилось в трансформации КМК в сабастиновскую культуру, синхронную как фракийской культуре Ноуа, так и второму этапу ираноязычной срубной культуре в Поволжье [3; 14]. Фракийская составляющая в сабастиновской культуре представлена и в керамике (двуручные «килики»), и в топорах с шайбой и гребнем Bg IVb бронзового века Венгрии. Собственно, к иранской традиции в сабастиновской культуре относятся керамические формы с расчлененным валиком с пальцевыми вдавлениями или насечками, а также клады литейных форм кельтов и копий, которые являются дальнейшим развитием центральноазиатской традиции. Ареал кладов охва-

тывает на западе область фракийских культур полей погребений [12, с.13–14].

На третьем этапе эволюции степной культуры Восточной Европы XI–IX вв. до н.э. происходят еще более глубокие изменения. Это связано с расширением влияния культур фракийского гальштатта на восток, что вызвало появление ряда культур: степной белозерской, кобяковской от Дона до Кубани, кизил-кобинской в Крыму и прото-меотской культуры в Закубанье [14;15]. В керамике этих культур преобладают чернолощенные кубки, появляются амфоры типа «прото-вилланова», и возникают инновации в металлокомплексе. Культурная преемственность от саба-тиновской к белозерской культуре обеспечивается присутствием в комплексах обеих культур сосудов с расчлененным валиком, что говорит о сохранении иранской составляющей в составе населения Северного Причерноморья к началу VIII в. до н.э. Присутствие в белозерской культуре иранского и фракийского компонентов соответствует историческим реалиям, поскольку из имен трех киммерийских предводителей Κῶβος — фракийское имя [Strabo. I. III. 21], а имя «Сандакшатра» — наполовину иранское [5, с.15]. Следовательно, на протяжении от XIII до VIII вв. до н.э. в степной культуре от Дуная до Кавказа фиксируется присутствие двух культурных компонентов, имеющих иранские и фракийские корни. Учитывая сведения античных авторов о пребывании здесь исторических киммерийцев, вся последовательность культур — Бородинский клад и КМК — саба-тиновская — белозерская, может быть определена как «киммерийская культура». Многие исследователи склонялись к тому, что было сильное влияние фракийцев на ираноязычное население Правобережья Днепра, но степень влияния не определяли

[7, 15-32]. По нашему мнению, фракийцы вытеснили в X в. до н.э. части иранцев за Волгу, где появляется саргаринско-алексеевская культура валиковой керамики, которая связана с начальной историей царских скифов.

В разное время предлагались три гипотезы о связи скифов и киммерийцев с археологическими памятниками бронзового – начала железного века Северного Причерноморья. Согласно «автохтонной или срубной» гипотезе, скифов связывали со срубной культурой. Авторы гипотезы допускали присутствие местного компонента в культуре киммерийцев в виде остатков катакомбной культуры, но трактовали его по-разному. М.И. Артамонов даже полагал, что вытеснение катакомбников срубниками соответствует скифо-киммерийскому конфликту. Б.Н. Граков связывал приход скифов в Северное Причерноморье с позднесрубной культурой [1; 2; 3, с.18].

Геродот указывает, что киммерийцы были автохтонами в Поднепровье, а скифы (кроме «царских») пришли в безлюдную страну [Hdt, IV, 5, 8, 11]. Это позволяет предполагать их одновременное появление в Поднепровье. Наиболее последовательно идею об автохтонности киммерийцев отстаивал А.И. Тереножкин, рассматривая Нижнее Поволжье как прародину только киммерийцев, расселившихся в виде срубной культуры в середине II тыс. до н.э. в Северном Причерноморье. Бородинский клад он считал древнейшим захоронением киммерийского вождя, а также соотносил с киммерийцами воинские захоронения предскифского периода [14, с.160, 211].

Следующий период, обозначаемый как предскифский (VIII–первая половина VII вв. до н.э.), представлен воинскими захоронениями с разными уздечными наборами, которые археологи пытаются безуспешно связать

с киммерийцами или скифами, или с теми и другими [5, с.7-24]. С появлением конницы произошло резкое распространение разных типов конской упряжи на пространстве от Дуная до Енисея за время, которое невозможно установить доступными способами датирования. По поводу этнической атрибуции разных типов удил и псалиев мнения исследователей разошлись. По первой гипотезе, оба типа конской сбруи относились к киммерийцам [14; 7]. Согласно второй гипотезе, черногородовский тип связывался с киммерийцами, а новочеркасская группа — со скифами. По третьей гипотезе, на основании находки конской упряжи черногородовского типа в кургане Аржан I черногородовскую культуру отождествляют с протоскифами, пришедшими непосредственно из Центральной Азии [6, с.152]. Поскольку дата IX в. до н.э. для Аржана [4] не принята, а присутствие в комплексе бляхи с изображением свернувшейся в кольцо пантеры в скифском зверином стиле позволяет датировать курган Аржан I вплоть до VII в. до н.э., комплексы с конским снаряжением Центральной Европы, Северо-Западного Кавказа и Центральной Азии можно считать практически одновременными. Таким образом, вопрос этнической атрибуции конской упряжи, места и времени древнейших ее центров остается открытым.

Двуколычатые удила новочеркасского типа обнаруживаются в большом количестве в чернолесских памятниках лесостепи Поднепровья и на Северо-Западном Кавказе. Однако последние исследования на территории Северо-Западного Кавказа показали, что новочеркасский и черногородовский комплексы VIII в. до н.э. синхронны и даже существуют в одних памятниках [15, с.157–159]. В закубанских могильниках имеются все типы псалиев, а на некоторых удилах имеются разные окончания: один конец

в виде стремени, а другой — с двумя кольцами. Ареал комплексов со стремечковидными удилами в Среднем Поднепровье и Северо-Западном Кавказе (протомеотские могильники Пшиш, Уашхиту, Хаджох, Фарс и др.) [15] как бы рассекает надвое ареал двукольчатых удил, что могло бы поддержать гипотезу о приходе протоскифов из Центральной Азии в черnogоровское время (IX/VIII вв. до н.э.) и о рассеянии киммерийцев по окраинам степного мира. Однако это гипотеза недостаточно проработана и противоречит данным Геродота о проживании царских скифов за рекой Аракс.

Где могли возникнуть раньше бронзовые удила и псалии, на Кавказе или на Карпатах? Разновидностей удил на Кавказе больше, чем в Центральной Европе. Это может указывать на первичность прикубанского центра. Однако в Центральной Европе фрако-киммерийские древности (удила, псалии, биметаллические кинжалы и другие предметы «кавказского» типа) относятся к более раннему времени — X–IX вв. до н.э. [14, с. 150–151]. Появление металлических удил и псалиев можно считать влиянием фракийцев, исходя из атрибуции белозерской и связанной с ней черnogоровской культуры. Однако следует учитывать и местную иранскую традицию костяных псалиев, которые использовались и ранними скифами [14, с.148]. Появление скифов царских в Восточной Европе, видимо, произошло не в VII в. до н.э., а ещё в VIII в. до н.э. [3, с.18], поскольку скифо-киммерийский конфликт, в результате которого киммерийцы ушли с Северо-Западного Кавказа в Закавказье и Малую Азию, вероятно, произошел ещё за несколько десятилетий до первого столкновения киммерийцев с Урарту в конце VIII в. до н.э. [10, с.71].

Литература

1. *Артамонов М. И.* Киммерийцы и скифы. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974. 156 с.
2. *Граков Б. Н.* Скифы. М.: Из-во МГУ, 1971. 200 с.
3. *Граков Б. Н.* Раннежелезный век. М.: МГУ, 1977. 235 с.
4. *Грязнов М. П.* Аржан — царский курган раннескифского времени. Л.: Наука, 1980. 61 с.
5. *Иванчик А. И.* Киммерийцы и скифы. Т. II. М.: 2001, 324 с.
6. *Ключко В. И.* Происхождение скифов // Эпоха раннего железа. Сборник научных трудов к 60-летию С.А. Скорого. Киев; Полтава: 2009. С. 151–166.
7. *Махортых С. Б.* Культура и история киммерийцев Северного Причерноморья: дисс. ...докт. ист. наук. Киев, 2008. 582 с.
8. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. Киев: Наукова думка, 1984. 134 с.
9. *Николаева Н. А.* Некоторые замечания к гипотезам о происхождении скифов // Иранский мир II–I тыс. М.: Изд-во Института востоковедения РАН, 2013. С. 56–63.
10. *Петрухин В. А., Раевский Д. С.* Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. 2 изд. М.: Знак, 2004. 416 с.
11. *Сафронов В. А.* Датировка Бородинского клада // Проблемы археологии. Л.: Издательство ЛГУ. С. 75–128.
12. *Сафронов В. А.* Хронология памятников II тыс. до н.э. юга Восточной Европы: автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М.: 1970. 36 с.
13. *Сафронов В. А., Николаева Н. А.* Основы археологии. Введение в индоевропейскую праисторию. Калуга: Облиздат, 1999. 67 с.
14. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 224 с.

15. Эрлих В. Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. (Протомеотская группа памятников): дисс. ... докт. ист наук. М.: 2005. 719 с.

On the initial history of the Cimmerians

*Nadezhda A. Nikolaeva, Ph.D. in History,
Moscow State Regional University*

The initial history of the Cimmerians and the Scythians is connected with the disintegration of the Proto-Iranian community (14/13–13 BC) with the western vector of the first migrations of Iranian-speaking tribes as well. It depends on choosing the chronological scale and on the accepted model of cultural and historical processes in the Eurasian steppes from the Yenisei to the Danube at the end of the Bronze Age. The author regards the problem of the content and continuity between the individual stages of the «Cimmerian» culture and shows the growth of the Thracian influence on the Iranian-speaking population in the Northern Pontic region up to the assimilation of the part of the western Iranians by the Thracians and the displacement of the other part of the Iranians beyond the Volga before the Scythian-Cimmerian conflict.

Keywords: Proto-Iranian community, Iranian migrations, Scythians-farmers, Cimmerians, Thracians.

Лингвистическая политика в Вавилонии 1 тыс. до н.э.: статус аккадского и арамейского языков

*Попова О.В., канд. филол. наук,
Институт языкознания РАН.*

В 1 тыс. до н.э. на территории Месопотамии сменяют друг друга ассирийская, вавилонская и персидская империи. Их экспансионистская политика в совокупности с масштабным переселением арамеев на севере и халдеев на юге приводит к интеграции новых этносов. Возникает ситуация многоязычия. Арамейский язык подвластного населения постепенно становится языком международного общения, несмотря на официальную пропаганду традиционных клинописных языков. В докладе рассматривается эволюция отношения сменяющихся политических режимов к языкам, на которых говорило пестрое население Междуречья.

Ключевые слова: социолингвистика, Месопотамия, аккадский язык, арамейский язык.

Первое тысячелетие до н.э. — время расцвета ассирийской, вавилонской и персидской держав на территории Месопотамии. Поочередно они становятся империями, сменяя друг друга между VIII и VI вв. до н.э. Их экспансионистская политика, характерная для имперской власти, в совокупности с масштабным переселением арамеев на севере и халдеев на юге приводит к интеграции новых этносов, что в свою очередь способствует возникновению ситуации многоязычия. Использование аккадского языка, который во 2 тыс. до н.э. был языком международной коммуникации на всем Ближнем Востоке, отныне ограничивается территорией Месопотамии. Происходит «арамеизация» региона: арамейский язык подвластного населения постепенно становится языком международного общения, несмотря на официальную

пропаганду традиционных клинописных языков, проводимую ассирийской и вавилонской властью. Когда после падения вавилонской империи власть в Месопотамии захватывают персы-Ахемениды (539–331 гг. до н.э.), арамейский становится языком персидской канцелярии, хотя аккадо-язычная традиция и сохраняется в Вавилонии.

При исследовании социолингвистической ситуации Месопотамии мы сталкиваемся с проблемой ограниченности источников. Действительно, большинство источников 1 тыс. до н.э. представляют собой клинописные тексты на аккадском языке. Говоря об аккадском языке 1 тыс. до н.э., следует различать новоассирийский, язык ассирийцев в северной Месопотамии (1000–600 до н.э.); нововавилонский, язык вавилонян в южной Месопотамии в период ассирийского господства (1000–625 до н.э.); поздневавилонский, язык документов, написанных с 625 до н.э. по 75 г. н.э. (75 г. н.э. датируется последний найденный клинописный текст [5]). Отдельно надо выделять стандартный вавилонский, язык официальных текстов и научных трудов, который ориентировался на старовавилонский аккадский. Для 1 тыс. до н.э. насчитывается более 100 000 клинописных текстов, и они дают нам несколько искаженное представление о языковой ситуации на Ближнем востоке. Хотя клинописное письмо было не единственным, которое использовалось на территории Месопотамии, только глина и камень, основные материалы клинописного письма, смогли противостоять времени и дойти до наших дней. Пергамен и папирус, скоропортящиеся материалы арамейского письма, были разрушены в геоклиматических условиях Месопотамии. Таким образом понять лингвистическую ситуацию Вавилонии 1 тыс. до н.э., а также определить статус

и функции разных языков на Ближнем Востоке, можно только сквозь призму клинописных текстов.

Как же эволюционировало отношение сменяющихся политических режимов к языкам, на которых говорило пестрое население Междуречья? Как лингвистическая политика властей влияла на статус арамейского языка, ставшего к середине 1 тыс. до н.э. в результате масштабных миграций основным разговорным языком Месопотамии, по отношению к официальным языкам чередующихся империй: новоассирийского, нововавилонского, поздневавилонского и персидского?

В 1 тыс. до н.э. аккадский язык с его тысячелетней историей продолжает быть почитаем ассирийской и вавилонской аристократией, будучи языком их предков и предшественников и знаком их этнической и культурной идентичности. Обучение клинописному письму поощрялось государством в эти периоды, но по-разному.

С началом арамеизации Ассирии новоассирийская власть более или менее официально принимает арамейскую составляющую империи, появляется своего рода ассиро-вавилоно-арамейское многоязычие. Ассирийский и вавилонский аккадский предпочитается при дворе, официальные надписи и научная литературы были написаны на стандартном вавилонском [2, 6]. Правительство допускало использование арамейского в официальных документах, но не поощряло это. Когда вавилонский чиновник Син-иддина обращается к Саргону II с просьбой писать ему «по-арамейски на пергамене», Саргон II в резких выражениях отказывает и велит писать по-аккадски (SAA 17 2). Таким образом, арамейский становится разговорным языком в этот период, но не получает столь же высокого статуса, что и аккадский. Аккадский язык остается главным пре-

стижным языком новоассирийской империи, причем этот статус имели оба его диалекта — как новоассирийский, так и нововавилонский. Действительно, при дворе ассирийского царя письма к вавилонским чиновникам писались по-нововавилонски.

После падения Новоассирийской империи в 612 г. до н.э. единственным центром аккадоязычной клинописной традиции остается Вавилония, где тремя тысячелетиями ранее и зародилась клинопись. Резкое исчезновение клинописных текстов на севере Месопотамии сразу после падения ассирийской империи показывает, что обучение клинописи было уже некоторое время как (по крайней мере, в VII в. до н.э.) искусственно поддерживаемо ассирийским двором.

В период нововавилонской империи, вавилонские цари и городская знать стараются навязать населению архаичное видение своей культуры и практически отказываются признавать существование других этнических составляющих государства [2, 3]. В нововавилонский период сложно встретить чиновников, носящих арамейские имена. Власть проводит прескриптивную языковую политику, при которой клинописное письмо оказывается важнейшим знаком вавилонской идентичности. Амбициозная часть арамейязычного населения, если хотела быть интегрированной в государственную элиту и попасть в царскую администрацию, была вынуждена принимать вавилонскую культуру и религию, брать себе вавилонские имена собственные, а также учиться аккадскому языку и клинописному письму. Тем не менее, несмотря на таковую лингвистическую политику со стороны нововавилонской власти, при которой поздневавилонский язык является единственным языком администрации (в отличие от новоассирийского периода, где арамейский допускался при дворе), арамейский язык,

по всей видимости, является *lingua franca* империи [2, 3]. Можно предположить, что это была продуманная политика со стороны нововавилонских царей, многие из которых имели халдейские корни [4].

Несмотря на сильнейшие контакты между аккадоязычным и арамеязычным населением, аккадский язык 1 тыс. до н.э. очень мало меняется под влиянием арамейского [1]. Это показывает, что продуманная политика ассирийских и вавилонских царей по защите аккадского языка имела некоторый успех, но поддерживалась искусственно.

Когда персы-Ахемениды приходят на территорию Месопотамии в 539 г. до н.э., они, в отличие от ассирийцев и вавилонян, легко принимают неродной им арамейский язык. Персы оставили лишь небольшие следы своих собственных языков (персидского и эламского) в вавилонской документации, не пытаясь насадить свой язык в Вавилонии. У них не было ни таких амбиций, ни возможностей, потому что их письменная культура не была достаточно развитой. Они даже принимают арамейский как язык канцелярии — имперский арамейский. Через два века после персидского завоевания Вавилонию захватывает Александр Македонский в 331 г. до н.э. Греки также не пытаются навязать свой язык, но вавилоняне вынуждены учить его, чтобы получить наилучшее положение в обществе и в административной системе, и чтобы вести взаимовыгодный диалог с новой властью. Такая ситуация длится еще несколько веков, в течение которых все еще продолжают создаваться клинописные документы на стандартном и поздневавилонском диалектах.

Случай арамейского языка на территории Месопотамии довольно интересен. Арамейцы так и не создали империю, их культура так и не заняла доминирующую позицию. Тем

не менее, арамейский из-за массовых миграций успешно стал не только основным разговорным языком трех империй — Новоассирийской, Нововавилонской, Персидской, — но и даже языком государственной администрации в персидский период. Парадоксально, что язык, на котором говорило население, никогда не правившее на территории Месопотамии, де-факто получает самое важное место в этой культуре. Аккадский и греческий исчезают с территории Месопотамии в первых веках н.э., арамейский же процветает, становясь разговорным и литературным языком христианизированной Месопотамии и одним из языков Библии.

Литература

1. *Abraham K., Sokoloff M.* Aramaic loanwords in Akkadian — A reassessment of the proposals // *Archiv für Orientforschung*. 2011. Bd. 52. P. 22–76.
2. *Beaulieu P.-A.* Official and vernacular languages: the shifting sands of imperial and cultural identities in first-millennium B.C. Mesopotamia // *Margins of Writing, Origins of Cultures* / S. L. Sanders (ed.). Chicago: The Oriental Institute, 2006. P. 187–216.
3. *Beaulieu P.-A.* Aspects of Aramaic and Babylonian linguistic interaction in First millennium BC Iraq // *Journal of Language Contact*. 2013. Vol. 6. P. 360.
4. *Popova O. V.* The royal family and its territorial implantation during the Neo-Babylonian period // *KASKAL*. 2016. Vol. 12. P. 401–410.
5. *Sachs A.* The latest datable cuneiform tablet // *Kramer Anniversary Volume: Cuneiform Studies on Honor of Samuel Noah Kramer* / B. Eichler (ed.). (Alter Orient und Altes Testament, Bd. 25). Kevelaer: Butzon & Bercker, 1976. P. 379–398.

6. *Tadmor H.* The Aramaization of Assyria: aspects of western impact // H.-J. Nissen & J. Renger (eds.), *Mesopotamien und seine Nachbarn: Politische und kulturelle Wechselbeziehungen im Alten Vorderasien vom 4. bis 1.Jahrtausend v. Chr.* (Berliner Beiträge zum Vorderen Orient. Bd. 1). Berlin: D. Reimer, 1978. P. 449–470.

Language policy in Babylonia of the first millennium BC: status of Akkadian and Aramaic.

*Olga V. Popova, Ph.D. in Philology, The Institute of Linguistics of the
Russian Academy of Sciences.*

In Mesopotamia of the first millennium BC, the Assyrian, Babylonian and Persian empires succeed each other. Their expansionist policy together with the massive migrations of the Arameans in the north and the Chaldeans in the south, results in the merging of several ethnic groups and multilingualism. Aramaic language of the dominated population is gradually becoming the language of international communication despite the official support to the traditional cuneiform languages. In present paper, I examine evolution of the relationship between the political regimes and the languages spoken by the various Mesopotamian populations.

Keywords: sociolinguistics, Mesopotamia, Akkadian, Aramaic.

К просодической интерпретации данных древнеписьменных текстов. Безударная проклитика *ни* vs ударный кластер *ни* + энклитики в хеттском языке?²

*Сидельцев А.В., канд. филол. наук,
Институт языкознания РАН*

В статье мы рассматриваем просодию хеттского вводного союза *ни* в одиночном употреблении и при присоединении к нему энклитики или энклитической цепочки.

Ключевые слова: хеттский язык, просодия, ударение, проклитики, энклитики.

1. Проклитика *ни*.

Вводная частица *ни*, которую мы приводим как представитель класса вводных частиц хеттского языка, является единственным словом хеттского языка, для которого можно со значительной долей уверенности предположить, что она была безударной; см. аргументацию в [1; 2, с. 602; 3].

Одним из важнейших свидетельств в пользу ее безударности является тот факт, что она не может находиться в конце строки и, следовательно, не может отделяться от первого ударного слова предложения, с которым проклитическая частица должна образовывать единый просодический комплекс.

² Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 17-06-00392 «Типология зарождения стиха: точные и компьютерные методы».

Любопытным косвенным указанием на такую дистрибуцию служат примеры типа следующего³:

(1) KUB 15.1 obv. i 13–14

13. ... *ariya-wen* {*nu*}

справляться.у.оракула–1PL.PST CONN

14. *nu* ^D*hé-pát* ^{URU}*U-da* *SIxSÁ-at*

CONN Хебат Уда устанавливать–

3SG.PST.MED

«(13) Мы справились у оракула. (13) И Хебат из Уды была определена».

В такого рода примерах вводная частица *ni* представлена два раза, в (1) первый раз она употреблена в конце строки 13, а во второй раз – в начале строки 14. При этом в конце строки 13 частица была впоследствии стерта писцом и осталась лишь в строке 14. Такого рода данные можно интерпретировать лишь одним образом: как то, что писец начал писать проклитику в конце строки, но понял, что для следующего слова в этой же строке места у него нет. Поэтому он стер *ni* в этой строке и написал его еще раз в следующей строке, так, чтобы оно было рядом с тем словом, с которым эта проклитика образовывала единое фонетическое слово.

2. Проклитика *ni* + энклитика/ комплекс энклитик.

Как хорошо известно, *ni* часто присоединяет к себе вакернагелевские сентенциальные энклитики или цепочки энклитик. При этом комплекс *ni* + энклитики демонстрирует на письме дистрибуцию, которая отличается от дис-

³ В примерах мы располагаем текст так же, как он представлен на глиняных табличках.

трибукции просто проклитики *ni*. Так, в отличие от просто *ni* комплекс *ni* + энклитика / комплекс энклитик может употребляться в конце строки и, следовательно, отрываться на письме от того слова, с которым *ni* должно бы было образовывать одно фонетическое слово [2, с. 603; 3]. Мы видим это в следующем примере:

(2) МН/MS (СТН 190) НКМ 55 l.e.-rev. 20–22

20. [...]x x *maḥḥan*

когда

21. *UL nuntarnu-ši # n=at*

NEG торопить–2SG.PRS CONN=это/их

22. *UL aniya-ši*

NEG делать–2SG.PRS

“(20–21) Когда ты не поторопишься, (22) ты не посеешь **их**”.

Мы интерпретируем примеры такого рода как указание на то, что комплекс проклитика *ni* + энклитика/энклитики получают ударение, ср. [2, с. 601].

3. Данные по ударности/ безударности *ni* значимы не только сами по себе, но и при анализе предполагаемых метрических текстов на хеттском языке. В проекте, который проводится в Институте языкознания РАН, мы в составе исследовательской группы (А.В. Сидельцев, Т.В. Скулачева, М.А. Молина, Е.В. Коровина) предпринимаем критический анализ метрических текстов на хеттском языке. Для этих целей особую важность приобретают независимые свидетельства в пользу ударности тех или иных слов хеттского языка. Из наших более широких исследований, частично приведенных выше, следует, что единствен-

ные объективные данные по ударности/ безударности в хеттском языке касаются *nu*. При этом даже комплекс *nu* + энклитики получали ударение.

Источники (список сокращений)

HKM — Alp S. Hethitische Keilschrifttafeln aus Maṣat. Ankara, 1991.

KUB 15 — Schiele J. Keilschrifturkunden aus Boghazköy. Bd. 15. Religiöse Texte. Berlin, 1926.

Литература

1. Касьян А. С., Сидельцев А. В. Хеттский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии / РАН. Институт языкознания. М.: Academia, 2013. С. 26–75.
2. Kloekhorst A. Accent in Hittite: A Study in Plene Spelling, Consonant Gradation, Clitics, and Metrics, Wiesbaden: Harrasowitz, 2014. 716 p. (Studien zu den Bogazköy-Texten. Bd. 56).
3. Sideltsev A. Accented Clitics in Hittite? // Transactions of the Philological Society. 2017. Vol. 115/2. P. 176–211.

Prosody of a Dead Language:

Unstressed proclitic *nu* vs stressed cluster *nu* + enclitics in Hittite?

Andrei V. Sideltsev, PhD, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

The paper deals with the prosody of proclitic Hittite coordinator *nu*. It is claimed that it is unstressed when used alone whereas it is stressed when it hosts an enclitic or a chain of enclitics.

Keywords: Hittite, prosody, meter, enclitics, proclitics

Гендерный аспект в библейской экзегезе и его эволюция в гностических учениях

*Смагина Е.Б., канд. филол. наук,
Институт востоковедения РАН*

В ряде гностических учений божественный мир представлен как иерархия эманаций. Один из принципов их распределения — гендерный: эманации подразделяются на пары-сизигии, носящие, соответственно, названия мужского и женского рода. Это представление восходит, с одной стороны, к своеобразной экзегезе библейского текста, с другой стороны — к двум концепциям Платона: 1) к мифу о первоначальных двуполых людях, 2) к учению о вечных идеях, отражением которых оказываются явления материального мира. По манихейскому учению, только темному началу и его порождениям присуще разделение на два пола. Но некоторые признаки указывают на то, что и манихейское понятие гендерности восходит к гностическим представлениям. В частности, гендерный принцип прослеживается в учении о связи восприимчика откровения и божества-просветителя.

Ключевые слова: гендер, гностицизм, манихейство, библеистика, экзегеза, Платон.

В позднеантичных религиозных и философских учениях особое внимание уделяется гендерному аспекту.

В частности, сильное влияние на многие позднеантичные религиозные и философские школы оказала платоновская философия. Влияние это сказывается даже на ранней библейской экзегезе.

В числе источников, сформировавших синкретические учения гностиков, значительное место занимают некоторые воззрения Платона. Уже ересиологи первых веков н. э. отмечали, что гностики заимствовали многое у Платона [14]. Но эти сложные синкретические доктрины восхо-

дят в конечном счете к раннему христианству, и одним из их основных элементов следует считать библейские толкования, нередко аллегорические или с обратной коннотацией — например, с положительной характеристикой отрицательных персонажей и эпизодов.

«Женское» начало обычно понимается как нечто низшее по отношению к «мужскому». Подобное представление можно наблюдать и в гностицизме. Но высшей степенью совершенства у гностиков обычно считается «мужеженское», то есть соединение двух начал как гармоничная целостность.

Даже в тех изложениях гностических книг, которые представлены у христианских ересиологов начиная со II в., прослеживается представление о двуполости как целостности, а, следовательно, совершенстве.

Для гностицизма характерно своего рода соединение монотеизма с политеистическими тенденциями. Это выражается в засвидетельствованном у большинства гностических учений мифе: единое божество разделяется на гипостатизированные эманации, «проявления», которые, в свою очередь, порождают эманации второго и третьего порядка. Гностические тексты (и свидетельства о них) в большинстве своем приводят перечни эманаций, в совокупности составляющих гармоничную божественную плерому. Чаще всего элементы этих перечней распределены по парам, где одна эманация именуется словом мужского рода, а вторая — женского. Такое распределение не нарушено даже в процессе перевода текстов на коптский язык: последний изобилует греческими заимствованиями, и большинство терминов сохраняются такими же, как в предполагаемом оригинале. Такая пара часто называется греческим словом *οὐζυγία* «парная упряжка, ярмо; чета, пара, соединение,

спаривание» [7, с. 1670А]; одно из самых распространенных значений — «супружество».

Именами эманаций чаще всего оказываются названия умственных или моральных категорий (Ум, Разумение, Мудрость, Вера, Надежда, Любовь), эпитетов божества (Нестареющий, Самородный и т.п.). Это заставляет вспомнить платоновское учение об идеях, где земные предметы и явления трактуются как «тени» отвлеченных идей высшего мира («Тимей», «Парменид», гл. 7 «Государства»). Едва ли не единственные названия явлений материального мира в гностических перечнях — имена сизигии «Человек и Церковь». Очевидно, эти явления могут считаться проекциями небесных эманаций в земном мире.

На воззрения позднеантичного времени не мог не повлиять платоновский миф о том, что первоначально каждый человек состоял из двух тел, разнополых или одного пола, а затем боги разделили эти «половины» («Пир», 189d-e).

В мидрашах на книгу Бытия есть и легенда о двуполом первом человеке, приписываемая авторитетам III-IV вв. н. э. Исследователи с достаточными основаниями полагают, что на эту экзегезу повлиял вышеназванный платоновский миф. Это тем более вероятно, что определения «мужеженский (андрогин)» и «двуликий» выражены в мидраше греческими заимствованиями. По мнению одного из толкователей, субстанция, из которой сотворен человек, также разделяется на два пола. Основой для экзегезы мог послужить род соответствующих слов в Библии: עפר «прах» м.р. и אדמה «земля» ж.р.

Но другой основой экзегезы об андрогинных первых людях мог послужить двойственный рассказ в книге Бытия о сотворении человека: сначала сказано о творении людей

как единого целого («мужчину и женщину сотворил», Быт 1:27), а затем — о вторичном сотворении женщины из ребра Адама (Быт 2:22–23).

Есть основания усматривать представления о гармоническом сочетании мужского и женского начал уже в греческом тексте Септуагинты.

Некоторые разделы книги Притчей послужили почвой для толкований (в частности, гностических), где гипостатизированная Премудрость предстает первым творением, соучастницей сотворения мира и едва ли не женской ипостасью Бога-Творца (Притч 8). Алфавитный гимн добродетельной жене, завершающий книгу (Притч 31:10–33), очень рано стал восприниматься как хвала самой Премудрости [6]. Словосочетанию в масоретском оригинале, букв. «жена силы» или «жена-воительница», в LXX соответствует выражение $\gamma\upsilon\nu\eta\ \alpha\upsilon\delta\rho\epsilon\acute{\iota}\alpha$, букв. «мужественная жена, мужественная женщина». Ср. наименование гностического божества: «мужедева» или «дева облика mužeженского».

В масоретском оригинале полустиише Притч 19:14b выглядит просто: «разумная жена — от Господа». А в Септуагинте «от Бога $\acute{\alpha}\rho\mu\acute{o}\zeta\epsilon\tau\alpha\iota$ (букв. «приспосабливается, прилаживается») жена мужу». Ср. Притч 8:30, где Премудрость определяется как $\acute{\alpha}\rho\mu\acute{o}\zeta\omicron\upsilon\sigma\alpha$ при Господе; один из вариантов перевода — «устроительница, налаживающая». Можно усматривать в этом первый шаг к гностической «сизигии».

Примечательно, что в гностических учениях сотворение материального мира начинается с нарушения этой «двуполой» гармонии: младший эон, София, пожелала создать нечто без участия своего супруга, то есть нарушила гармонию сизигий, вследствие чего и возникло нечто несовершенное. Может быть, этот миф восходит также и к

аллегорическому толкованию одного сюжета пророческих книг Библии — об Израиле как жене (невесте), изменившей Богу.

Гностицизм относится к материальному миру и плоти однозначно отрицательно. «Мужское» и «женское» по отношению к гностическим эманациям суть не половое начало в земном, плотском смысле, а некий духовный аналог или небесный прототип пола. Однако земной мир оказывается хоть и опосредованным и ошибочным, но всё же производным от небесного, духовного мира божественных эманаций. Земное разделение полов оказывается, в таком случае, подражанием небесным четам-сизигиям. Иначе говоря, гностическое учение о сизигиях восходит к соединению двух платоновских сюжетов: о первоначальной двуполости и о земном мире как отражении мира идей. (Представление Платона об однополых парах иудейские и христианские толкователи, вероятно, просто обошли стороной как чуждое их мировоззрению).

В манихейском учении пол — свойство исключительно порождений мира Мрака. Первые демоны пяти миров мрака разделяются на мужских и женских. Само понятие пола связано с греховностью. Божества здесь только по традиции могут иметь женские имена или признаки андрогинности в облике. Небесный аналог пола для светлых божеств — наследие гностицизма, хотя представление о двуполой гармонии прослеживается, по крайней мере, на уровне имен. Так, два божества-демиурга, творящие космос из смешанной субстанции, именуются «Отец жизни и Мать живых» (возможно, последнее восходит к объяснению имени Евы как «матери всех живущих» в Быт 3:20).

Активная сила и персонификация темного начала в латинских, греческих и отчасти коптских текстах носит

название «материя», а в сирийских, наиболее близких по языку к оригиналу манихейского канона, — «грех». Арам. и сир. ܐܬܝܬܐ «грех» — слово женского рода, как и греч. ἁμαρτία. Возможно, это тоже следует считать рудиментом представлений о первенстве мужского начала над женским и их, соответственно, положительной и отрицательной окраске.

Особенно четко различие между манихейством и гностическими учениями проявляется в эсхатологии. Гностический апокатастасис, конечное восстановление первоначальной гармонии, означает, в частности, воссоединение двух разделенных начал. Манихейский апокатастасис предполагает окончательное и вечное разделение двуполого темного начала. При этом в коптских текстах употребляется термин «ковчег» (заимствование из еврейского или арамейского), что заставляет вспомнить еще одну легенду, засвидетельствованную и в иудейской, и в раннехристианской экзегезе: раздельное обитание мужского и женского пола в Ноевом ковчеге.

Кроме того, прослеживается еще одна двуполоая пара, связанная с получением божественного откровения: духовидец и «ангел-толкователь», восприемник откровения. Согласно ересиологическим источникам по манихейству, божество воплотилось в Еву, чтобы открыть Адаму тайну божественного происхождения и спасения его души. Подобное божество-толкователь, по манихейской доктрине, приходило к каждому основателю истинной религии, начиная с Адама и кончая самим Мани. В эту череду вероучителей входят библейские патриархи и основоположники мировых религий. Обычно это божество именуется «двойник» или «пара, чета». В греческом тексте «двойник» Мани назван Σύζυγος, одно из основных значений этого

слова — «супруг» [9]. Это также отсылает нас к библейскому развитию образа Премудрости. В гл. 10–11 второканонической книги Премудрости Соломона она предстает помощницей и просветительницей патриархов, начиная с Адама.

Литература

1. «Евангелие египтян» — памятник мифологического гностицизма. Вступительная статья, перевод с коптского и комментарии *Е. Б. Смагиной*. // Вестник Древней Истории. 1995. № 2. С. 230–251.
2. *Смагина Е. Б.* Манихейство: по ранним источникам. М.: Восточная литература, 2011. 519 с.
3. Der Babylonische Talmud. Mit Einschluß der vollstaendigen Mišnah. Hrsg. v. *L. Goldschmidt*. Bd. 9. Haag: Nijhoff, 1933. 1200 S.
4. La Bible d'Alexandrie. Traduction et annotation des livres de la Septante sous la direction de *M. Harl, G. Dorival et O. Munnich*. 17. Les Proverbes. Par D.-M. d'Hamonville. Paris: Cerf, 2000. 357 p.
5. *Crum W. E.* A Coptic Dictionary. Oxford: At the Clarendon Press, 1979. 953 p.
6. *Geiger A.* Urschrift und Übersetzungen der Bibel in ihrer Abhängigkeit von der innern Entwicklung des Judenthums. Frankfurt am Main: Mada, 1928. 500 p.
7. *Böhlig A., Wisse F.* Nag Hammadi Codices III, 2 and IV, 2: The Gospel of the Egyptians. Leiden: Brill, 1975. 234 p.
8. Greek-English Lexicon. Compiled by *H.G. Liddell & K. Scott*. A New Edition. Rev. and augm. by *H.S. Jones & R. Mackenzie*. Oxford: Clarendon Press, 1966. 2111 p.

9. *Henrichs A., Koenen L.* Der Kölner Mani-Kodex : Über das Werden seines Leibes: kritische Edition / heraus. von Ludwig Koenen und Cornelia Römer. Opladen : Westdeutscher Verlag GmbH, 1988. 119 S.
10. *Irenaei Lugdunensis Episcopi Adversus Haereses. Libri quinque.* Ed. Ubaldo Mannucci. Romae: Forzani, 1907. 244 p. (Bibliotheca Sanctorum Patrum et Scriptorum ecclesiasticorum. Series secunda. Scriptores Graeci antenicaeni. Vol. III, pars I).
11. *Kephalaia.* Ed. *H.-J. Polotsky & A. Böhlig.* Stuttgart: Kohlhammer, 1940. 244 S.
12. *Kephalaia.* II. Ed. *A. Böhlig.* Stuttgart: Kohlhammer, 1966. S. 244–291.
13. *Midrash Bereshit Rabbah.* Critical Edition with Notes and Commentary. By *J. Theodor and Ch. Albeck.* 2nd edition. Jerusalem: Magnes Press, 1996. Vol. 1–3.
14. *Origenis Philosophumena sive omnium haeresium refutatio.* Ed. *E. Miller.* Oxonii: Typographeo Academico, 1851. 348 p.
15. *Papyri Graecae Magicae.* Die griechische Zauberpapyri. Hrsg. v. *K. Preisendanz.* Stuttgart: Teubner, 1973–1974. Vol. I–II.
16. *Patrologiae cursus completus.* Ed. *P. Migne.* Series Graeca. Parisiis: Migne, 1857–1866. Vol. I–CLXI.
17. *Plato.* The Symposium. Greek text with commentary by *K. Dover.* Cambridge: Cambridge University Press, 1980. 185 p.
18. *Talmud Yerushalmi.* Jerusalem: Gilead Press, 1949. Vol. I–V.
19. *Waldstein M., Wisse F.* The Apocryphon of John: Synopsis of Nag Hammadi Codices II, 1; III, 1; and IV, 1; with BG 8502, 2. Leiden: Brill, 1995. 244 p.

The Principle of Gender in the Biblical Exegesis and its Evolution in Gnostic Teachings

*Eugenia Smagina, Ph.D., Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences*

In some Gnostic teachings, the divine world is represented as a hierarchy of emanations. One of the principles of their distribution is a gender: emanations are divided into “syzygies” (pairs), bearing respectively the masculine and feminine names. This principle traces its roots back to, on the one hand, a kind of exegesis of the biblical text; on the other hand, the two concepts of Plato: 1) the myth of the original androgynous humans, 2) to the doctrine of eternal ideas and the phenomena of the material world as their reflections. According to the Manichaean doctrine, the division into two sexes is exclusively a characteristic of the dark principle and its offspring. However, some features indicate that the Manichaean concept of gender goes back also to Gnostic ideas. In particular, the gender principle is reflected in the teaching about the relationship between a recipient of revelation and his deity-enlightener.

Keywords: gender, Gnosticism, Manichaeism, Bible studies, exegesis, Plato.

South Anatolian toponyms, a first attempt of classification

*A.A.L. Solcà, Russian State University for the Humanities,
Université de Genève*

This short communication is an attempt to sort out the possible southern Hittite elements, which might give us some insight about their potential relationships with the Minoan civilization. The present paper does not pretend to contain all elements answering to every aspect of this delicate question but aims to provide interesting new approaches to the matter. All elements presented in this paper are from my own and therefore it may contain some personal insights or elements, which will have still to be assessed after further researches.

Keywords: Ancient Anatolia, Lukka, Hittite geography, Luwian inscriptions, Linear A, Yalbur.

Our presentation aims to reexamine the evidence on South Anatolia and at the same time examine the relations between the Minoan world and Anatolian provinces. This research can be divided into three parts. The first key element to our ongoing study is to assess the real Hittite and south Anatolian cities that may have had some contact with the Minoans but also to identify more clearly their relationship within and outside the borders of the Hittite kingdom. This will be the first part of our communication. The second element is the identification of potential Hittite and Anatolian references in connection with Minoan culture and maybe some cities. The last and third element will be about reexamining the Minoan Linear A lists and check for potential Anatolian references. Let us now examine which elements can be isolated for this specific subject.

As a brief introduction, let us say that the Hittite geography is far from reaching an entire consensus among scholars and that for the moment, not all data are available to assess truly the

position of every Hittite or early Anatolian toponyms so that this task is far from being as easy as it may seem at first sight. However, we may use some precise elements in order to find concrete cities and places fitting to our scope of research.

To be as complete as possible, we will try to survey most of the coastal places of ancient Anatolia, potentially having links with the Minoan ports, enumerating westwards to eastwards.

Let us begin with Patara, one of the most occidental places and ports of the Lukka province. Indeed, this port has always been very active during all the Anatolian period but the most interesting part for our research is attested during the western war expeditions of Tudhaliya and Suppiluliuma towards Cyprus and until Patara. We have to say that there are some controversies on the exact events and chronology but it is obvious that the Lukka province and in particular the region of Patara has been under influence of Hittites and that several campaigns took there place, not only to pacify the region but also in order to have an important access to the sea and secure commercial trade to Alasia (Cyprus) but also further up to Ugarit.

We should begin straight forward to examine the most important inscription on this area. The Yalbur's inscription of the Hittite ruler Tudhaliya IV clearly not only mentions a Mount Patara but also gives us invaluable information on the campaigns led against Lukka and cities located in this area. This text is composed of different blocks, unfortunately, not all of them were kept, but its global structure can be reconstructed quite precisely as follows:

We would like to express our gratitude to Max Gander for providing such a detailed study of the context of the Yalbur inscription.

Therefore, here is the general order of these blocks proposed by him:

Block 1, Frg. 2, 16, 10 Beginning of the inscription, with genealogy, beginning of the narrative part by mentioning the grace and the help of the gods.

*Blocks 7, 17, 6 Actions against the lands of Nipira, Kuwakuwaluwata, *511-sa and Kuwalatarna. Submission of Kuwalatarna.*

*Blocks 14, 15, 12, 13, 3 Actions against Talawa, Awarna, Pina-*416. Submission of Talawa, resistance in Pina-*416, submission of Pina-*416. Unclear action concerning mules or asses.*

Block 4 Dedication of Mt. Patara to the [Storm-god]. Summary in view of the unprecedented success of Tudhaliya IV. [3, p. 373].

As one might see, some blocks and their content are still subject to controversy. Especially the so-called Block 4 of the Yalburt inscription is very instructive as it mentions the religious dedication of a Mount Patara to the Storm god. We join Max Gander's views that this particular block should be put, according to its structure, at the end of the inscription. [3, p. 406].

We would like to quote another key passage which led our aim on south Anatolian toponyms and a possible geographical lexicon.

*"The Hittite conquest of Lycia is, according to the communis opinio, reported in a Hieroglyphic Luwian inscription found at Yalburt Yaylası, some twenty kilometers north of Ilgın. The inscription mentions the lands of Lu-ka and VITIS and the towns of TALA-wa/i, Pina-*416, Á-wa/i+ra/i-na, Pa-tara/i as well as some other toponyms. The places mentioned were immediately*

identified with Lykia, Oinoanda, Tlos, Pinara, Xanthos (Lyc. Arnña) and Patara respectively by Poetto in his edition of the text." [3, p. 371].

We must look therefore to the textual elements not only contained in the Yalburt inscription but also in other monuments of the Hittite Empire and beyond giving us more information on this part of Anatolia. The most important is to analyze in which contexts do appear these different toponyms of the Lukka and Tarhuntassa provinces and work on their connections. We may analyze the different elements connected between these inscriptions.

Therefore, as you may see, we have three important criteria to unite when focusing specifically on Hittite geography and in particular South Anatolian toponyms.

- 1) We have to work precisely on the context and significance of each toponym and to check their relative position according to geography, history and parallels in different Hittite and other Anatolian sources.

- 2) When finding a fitting identification to a particular Hittite site, we need to see how it was connected with other provinces of Anatolia and beyond.

- 3) If we do find commercial or cultural relations between different cities, we may search also for parallels in other inscriptions.

I would like to present some concrete factors on these different toponyms connected to the criteria mentioned above and show how we may find answers on the specific elements that I described a bit earlier. During this short presentation, I will present a short list of south Anatolian toponyms of which I intend to prepare a separate catalogue while looking for the different occurrences of their names in Hittite and Luwian sources as well as in Linear A and ancient Egyptian, when possible.

The main toponyms that we will discuss are the following:

Wiyawawanda, Patara, Isnati, Zumarri, Parha in the Lukka province,

Sallusa, Nahita, Saranduwa, Walma, Ura, Lamiya in the Tarhuntassa province.

After a review of the main evidence, we will check the possible connections with the Minoan world. For most cases, we cannot give a positive answer but the comparative approach between Hittite, Linear A and Egyptian sources, when available, delivers interesting and promising results.

Now here are the main toponyms we would like to present briefly, as they will be the subjects of a separate more detailed analysis for publication — Zumarri on the south coast [1, p. 8–89, 92–93 about the texts, and p. 98 for the commentary] and Ura from the Tarhuntassa province [6, p. 68].

Regarding Linear A, the attempts to find some Anatolian parallels or elements connected to Anatolia on a linguistic similarity but no concrete element can clearly testify of links between both worlds although we know there were cultural exchanges at some point.

These both examples on Anatolian toponyms do show us the task that requires to be done. A more complete examination of the inside details of each text in connection with their toponyms and then a geographical analysis are the key to a better view of Anatolian geography.

Literature

1. Beckman G., Bryce T., Cline E. *The Ahhiyawa Texts*. Atlanta: Society of Biblical Literature, 2011. 302 p.
2. Bryce T. *The World of the Neo-Hittite Kingdoms: A Political and Military History*. New York: Oxford University Press, 2012. 356 p.

3. *Gander M.* Tlos, Oinoanda and the Hittite Invasion of the Lukka Lands. Some Thoughts on the History of North-Western Lycia in the Late Bronze and Iron Ages // *Klio*. 2014. Bd. 96/2. P. 369–415.
4. *Glatz C.* Empire as network: Spheres of material interaction in Late Bronze Age Anatolia // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2009. Vol. 28. P. 127–141.
5. *Hawkins J. D.* The Hieroglyphic Inscription of the Sacred Pool Complex at Hattusa (SÜDBURG). Wiesbaden: Harrassowitz, 1995. 139 p. (Studien zu den Bogazköy-Texten, Beiheft 3).
6. *Houwink ten Cate Philo H. J.* The Records of the Early Hittite Empire (c. 1450–1380 B.C.). Istanbul: Nederlands historisch-archaeologischinstituut in het nabije oosten, 1970. 88 p. (PIHANS; XXVI).
7. *Oreshko R.* Hieroglyphic Inscriptions of Western Anatolia: Long Arm of the Empire or vernacular tradition(s)? // *Luwian Identities, Culture, Language and Religion between Anatolia and the Aegean / A. Mouton, I. Rutherford, I. Yakubovich (eds.)*. Leiden: Brill, 2013. P. 345–420.
8. *Oreshko R.* Hartapu and the Land of Maša, A New Look at the KIZILDAĞ-KARADAĞ Group // *Altorientalische Forschungen*. 2017. Bd. 44/1. P. 47–67.
9. *Oreshko R.* Studies in Hieroglyphic Luwian: Towards a Philological and Historical Reinterpretation of the SÜDBURG inscription. Dissertation for the degree of Doctor in Philosophy. Frei Universität Berlin, 2016.
10. *Poetto M., Karasu C., Savaş Ö.* New Fragments pertaining to the Hieroglyphic Luwian inscription of Yalburt // *Archivum Anatolicum*. 2000. Vol. 4. P. 99–112.
11. *Sürenhagen D.* Hartapus — Ein Sohn Mursilis II.? // *VI Congresso Internazionale di Ittitologia / Archi A., Francia R. (eds.)*, Rome: CNR, 2008. S. 729–738.

12. Woudhuizen F. C. The Geography of the Hittite Empire and the Distribution of Luwian Hieroglyphic Seals // *Klio*. 2015. Bd. 97/1. P. 7–31.
13. Yakubovich I. The Luvian Enemy // *Kadmos*. 2008. Bd. 47. P. 1–19.

Южноанатолийские топонимы, первая попытка классификации

Солька А.А.Л., РГГУ, Университет Женевы

Данная работа является попыткой классифицировать вероятные южнохеттские топонимы, которые могут пролить свет на возможные отношения хеттов с минойцами. Автор не претендует на то, чтобы осветить здесь все аспекты этой проблемы, но стремится представить новые подходы к ней.

Ключевые слова: Древняя Анатолия, Лукка, хеттская география, лувийские надписи, Линеар А, Ялбурт.

Западный предел распространения хеттской культуры в эпоху Древнего царства

Шелестин В.Ю., канд. ист. наук, ИВ РАН

В статье рассматриваются недавние находки артефактов в районе Мраморного моря и показывается отсутствие их связи с хеттской культурой, вопреки заявлениям первооткрывателей. На основе комплексного изучения письменных археологических источников делается вывод о малой степени распространения хеттской культуры на запад в период Древнего царства.

Ключевые слова: Древняя Анатолия, хетты, Древнехеттское царство, Арцава, Кючюкчекмедже, Каймакчи.

В ходе раскопок 2013 г. на берегу озера Кючюкчекмедже в европейской части Стамбула были найдены две антропоморфные (мужская и женская) железные фигурки, идентифицированные как вотивные статуэтки раннего хетто-хурритского типа II четверти II тыс. до н.э. [7]. В последующие сезоны неподалёку от них были найдены фрагменты хеттской и кипрской керамики с белым ангобом, что позволило увидеть в этих артефактах следы древнехеттского присутствия во Фракии [8, с. 378–379]. Природа этого присутствия рассматривается Ш. Айдынгюн как прямой или торговый контакт [6, с. 31], что не объясняет способ распространения древнехеттской культуры на столь удалённый Запад.

Решение вопроса о происхождении этих фигурок позволяет понять природу предполагаемого контакта. Согласно данным рентгенфлуоресцентного анализа, женская фигурка на 99.58% состоит из железа, тогда как мужская фигурка состоит из 68.85% железа, 30.96% олова, 1.05% марганца и 0.17% цинка [7, с. 3, 6]. Подобная структура указывает на их производство в рамках развитого металлургического

комплекса, соединения железа с оловом характерны в качестве побочного продукта выплавки бронз. Вместе с тем, чистота женской фигурки с точки зрения содержания в ней железа превосходит все известные образцы с Каман-Калехёюка [5], Богазкёя [15] и других городищ этого времени [ср. 14; 17; 21].

Стиль фигурок напоминает хеттский, но сама традиция антропоморфных культовых изображений приходит к хеттам именно во второй четверти II тыс. до н.э. [11]. Вместе с тем, традиция изготовления антропоморфных статуэток из металла в Сиро-Палестинском регионе развивается с конца раннего бронзового века, здесь зародился тот их тип с характерным головным убором, следы которого видны на мужской фигурке из Кючюкчекмедже, и который позднее получит название «сиро-хеттского» [16].

Таким образом, наиболее вероятным местом происхождения антропоморфных металлических фигурок из Кючюкчекмедже следует считать Северную Сирию, где развился данный изобразительный тип, или Киликийскую равнину, где известны залежи железных руд и находки железных изделий III тыс. до н.э. [14, с. 164, 170]. Появление фигурок на европейском берегу Мраморного моря можно объяснить с помощью трёх сценариев:

- А) Миграция народа — носителя традиции;
- Б) Заимствование культурной традиции;
- В) Побочный результат торговых контактов.

Миграционный сценарий предполагает, что носителями традиции выступали хетты или лувийцы — основные народы Хеттского царства, с которыми следует ассоциировать хеттскую культуру. Однако нам не известно о существовании у данных народов традиции изготовления воинских антропоморфных фигурок из металла до

образования Хеттского царства в XVII в. до н.э. Вероятно, они познакомились с ней в ходе покорения Сирии древнехеттскими царями Хаттусили I и Мурсили I при хурритском посредничестве [11, с. 40]. Свидетельство более раннего текста Анитты о переносе Ухной культа Сиусумми из Несы в Цальпы не обязательно свидетельствует о наличии для подобного переноса антропоморфной статуи бога [1, с. 50, прим. 57]. С другой стороны, хотя неоднократно указывалось на факты переноса культовых статуэток в качестве добычи на протяжении всех походов Хаттусили I, включая города Центральной Анатолии, которые были прежде завоеваны Аниттой [20, с. 85–86], все аттестации слова ALAM «статуя» в тексте летописи Хаттусили I относятся к верхнемесопотамско-сирийским городам Хассува (КВо 10.1 ЛС 39 = КВо 10.2 ЛС II 28 = VBoT 13 ЛС 6; КВо 10.1 ЛС 44 = КВо 10.2 ЛС II 38–39 = VBoT 13 ЛС 14–15), Хахха (КВо 10.1 ОС 14 = КВо 10.2 ОС III 21) и Тикунани (КВо 10.1 ОС 17 = КВо 10.2 ОС III 27 = KUB 23.20 ЛС 9). Наконец, сам факт миграции в районе Мраморного моря был бы засвидетельствован очередным разрушением Трои, которого не случилось между разрушением Трои V ок. 1750 г. до н.э. и разрушением Трои VI [18, с. 392–395].

Заимствование культурной традиции предполагает, что находки из Кючюкчекмедже являются европейской имитацией стиля, зародившегося на территории Северной Сирии. В Европе бронзового века известно немало артефактов сирийского или анатолийского происхождения, однако они являются не местными имитациями, а предметами импорта [10, с. 158–159], поэтому имитационный сценарий также маловероятен.

Для эпохи ранней бронзы предполагается существование «Великого караванного пути» между Киликией и обла-

стью Мраморного моря [12], однако геополитическая ситуация в среднем бронзовом веке едва ли позволяла продолжать его использование. Характерно, что староассирийские купцы не смогли включить оба этих региона в сферу своих торговых путей, хотя активно действовали на всём пространстве Центральной Анатолии между ними. Военно-политическая активность Древнехеттского царства также едва ли способствовала восстановлению связей между этими регионами.

Другими регионами возможного распространения древнехеттской культуры на запад обычно считаются страны Арцавы, включавшие страну Вилуса. Хрестоматийным примером этому обычно считается указание на покорение этих территорий предком Муваталли II Лабарной, отражённое в историческом введении к договору Муваталли II с Алаксанду вилусским [9, с. 82; 2, с. 74–75]. Однако существуют сомнения в отнесении этого эпизода к правлению Лабарны I, предшественника Хаттусили I, и сколько-нибудь прочном контроле Древнехеттского царства над Арцавой [13, с. 12–14; 4, с. 149]. Хотя походы древнехеттских царей в Арцаву надёжно отражены в источниках, начиная с «Летописи Хаттусили I», а «Дворцовая хроника» отмечает неудачные попытки введения здесь и хеттской администрации, на непрочность контроля Древнего царства над областями к западу от Пурусханды указывает география походов Аммуны [3]. Данные археологии также не поддерживают представления о распространении древнехеттской культуры в регион Арцавы — согласно исследованиям одного из крупнейших городищ среднебронзового века в Западной Анталлии, Каймакчи, местная культура характеризуется непрерывностью традиции на протяжении среднего и

бронзового века, и существенных хеттских импортов здесь не обнаружено [19].

Таким образом, распространение хеттской культуры к западу от Кызыл-Ирмака в период Древнего царства было невелико и не достигало Мраморного и Эгейского морей, связи которых со Средиземным морем в большей степени обеспечивали проникновение сюда артефактов хурритской культуры, чем культур Центральной Анатолии.

Источники (список сокращений)

KBo 10 — *Güterbock H. G., Otten H. Keilschrifttexte aus Boghazköy. Bd. 10. Texte aus Gebäude K. I. Teil. Berlin, 1960.*

KUB 23 — *Götze A. Keilschrifturkunden aus Boghazköy. Bd. 23. Historische Texte. Berlin, 1929.*

VBoT — *Götze A. Verstreute Boghazköi-Texte. Marburg, 1930.*

Литература

1. *Иванов Вяч. Вс.* Древнейший индоевропейский текст: надпись Анитты, царя Куссара (XVIII в. до н.э.) // *Иванов Вяч. Вс. Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 7. М.: Знак, 2007. С. 9–95.*

2. *Немировский А. А.* Ахейская Греция и Западная Малая Азия в кон. XIV — нач. XII вв. до н.э. // *Антология источников по истории, культуре и религии Древней Греции / В. И. Кузищин (ред.). СПб.: Алетейя, 2000. С. 66–101.*

3. *Шелестин В. Ю.* География походов Аммуны // *Вестник древней истории. 2015. №4. С. 120–136.*

4. *Якубович И. С.* К локализации Лувии — древнейшего ареала обитания лувийцев // *Вестник древней истории. 2015. №4. С. 137–163.*

5. *Akanuma H.* Changes in Iron Use during the 2nd and 1st Millennia B.C. at Kaman-Kalehöyük, Turkey: Composition of Iron Artifacts from Stratum III and Stratum II // *Anatolian Archaeological Studies*. 2006. Vol. 15. P. 207–222.
6. *Aydingün Ş.* Bathonea. Discovering A Lost City Where Europe Meets Asia // *Current World Archaeology*. 2015. Vol. 7. P. 26–31.
7. *Aydingün Ş.* İstanbul-Küçükçekmece Göl Havzası (Bathonea) Kazılarında M.Ö. 2.Bine Ait Eserler // *Arkeoloji ve Sanat*. 2013. Cilt 144. S. 1–14.
8. *Aydingün Ş.* Küçükçekmece Göl Havzası (Bathonea) Kazıları İlk Beş Yıllık Değerlendirme 2010–2015 // 38. Kazı Sonuçları Toplantısı. 1. Cilt. Ankara: Kültür ve Turizm Bakanlığı, 2017. S. 371–388.
9. *Beckman G.* Hittite Diplomatic Texts. Atlanta: Scholars Press, 1996. 206 p.
10. *Bouzek J.* Syrian and Anatolian Bronze Age figurines in Europe // *Proceedings of the Prehistoric Society*. 1972. Vol. 38. P. 156–164.
11. *Collins B.* A Statue for the Deity: Cult Images in Hittite Anatolia. // *Cult Image and Divine Representation in the Ancient Near East*. Boston: ASOR, 2005. P. 13–42.
12. *Efe T.* The theories of the ‘Great Caravan Route’ between Cilicia and Troy: the Early Bronze Age III period in inland western Anatolia // *Anatolian Studies*. 2007. Vol. 57. P. 47–64.
13. *Heinhold-Krahmer S.* Arzawa. Untersuchungen zu seiner Geschichte nach den hethitischen Quellen. Heidelberg: Winter, 1977. 473 S. (Texte der Hethiter, 8).
14. *Jean E.* Le fer chez les hittites: un bilan des données archéologiques // *Mediterranean Archaeology*. 2001. Vol. 14. P. 163–188.
15. *Lehner J.* Cooperation, the Craft Economy, and Metal Technology during the Bronze and Iron Ages in Central Anatolia. PhD thesis. Los Angeles: UCLA, 2015.

16. Moorey P., Fleming S. Problems in the study of the anthropomorphic metal statuary from Syro-Palestine before 330 B.C. // *Levant*. 1984. Vol. 16. P. 67–90.
17. Muhly J. et al. Iron in Anatolia and the Nature of the Hittite Iron Industry // *Anatolian Studies*. 1985. Vol. 35. P. 64–87.
18. Pavúk P. Troia VI Früh und Mitte. Keramik, Stratigraphie, Chronologie. Bonn: Dr. Rodolf Habelt, 2014. 695 S.
19. Roosevelt C., Luke C. The Story of a Forgotten Kingdom? Survey Archaeology and the Historical Geography of Central Western Anatolia in the Second Millennium BC // *European Journal of Archaeology*. 2017. Vol. 20/1. P. 120–147.
20. Singer I. ‘The Thousand Gods of Hatti’: The Limits of an Expanding Pantheon // *Concepts of the Other in Ancient Near Eastern Religions* / I. Alon, I. Gruenwald & I. Singer. Leiden; New York: Brill, 1994. P. 81–102.
21. Yalçın Ü. Early iron metallurgy in Anatolia // *Anatolian Studies*. 1999. Vol. 49. P. 177–187.

The western limit of the Hittite culture expansion in the Old Hittite kingdom

Vladimir Shelestin, Ph.D., Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

The paper deals with new findings of the artifacts in the Marmara region. Despite the archeologists claimed the link between them and the Hittite culture, the absence of such a link is proven. The complex study of archaeological and textual sources shows the low degree of the Hittite culture expansion westwards Purušanda in the epoch of the Old Hittite kingdom.

Keywords: Ancient Anatolia, Hittites, Old Hittite kingdom, Arzawa, Küçükçekmece, Kaymakçı.

Контакты авторов

АЛЕКСАНДРОВ БОРИС ЕВГЕНЬЕВИЧ — кандидат исторических наук, исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
boris_alexandrov@icloud.com

АЛЕКСАНДРОВА ЕКАТЕРИНА ВЛАДИМИРОВНА — кандидат культурологии, Центр египтологии им. Б.А. Тураева,
al-katerin@yandex.ru

ДЕМИДЧИК АРКАДИЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ — доктор исторических наук, гуманитарный факультет Новосибирского национального исследовательского государственного университета, Институт истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета,
a-demidchik@yandex.ru

ЕМЕЛЬЯНОВ ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ — доктор философских наук, Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета, banshur69@gmail.com

КАМЫШЕВ КОНСТАНТИН ДМИТРИЕВИЧ — Колледж профессионального образования Пермского государственного национально-исследовательского университета, robespewt@mail.ru

КОЗЫРЕВА НЭЛЛИ ВЛАДИМИРОВНА — доктор исторических наук, Институт восточных рукописей РАН, Восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета,
n.v.kozyreva@gmail.com

ЛАВРЕНТЬЕВА НИКА ВЛАДИМИРОВНА — кандидат искусствоведения, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С. Пушкина, nika27-merty@yandex.ru

ЛАДЫНИН ИВАН АНДРЕЕВИЧ — кандидат исторических наук, исторический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, ladynin@mail.ru

МИРОНОВА АЛЕКСАНДРА ВАДИМОВНА — кандидат искусствоведения, исторический факультет Государственного академического университета гуманитарных наук, alevmir@mail.ru

НЕМИРОВСКИЙ АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ — кандидат исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, sidelts@inbox.ru

НИКОЛАЕВА НАДЕЖДА АЛЕКСЕЕВНА — кандидат исторических наук, факультет истории, политологии и права Московского государственного областного университета, nikolaeva3145@yandex.ru

ПОПОВА ОЛЬГА ВИТАЛЬЕВНА — кандидат филологических наук, Институт языкознания РАН, olga.v.popova@gmail.com

СИДЕЛЬЦЕВ АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ — кандидат филологических наук, Институт языкознания РАН, acidelcev@gmail.com

СМАГИНА ЕВГЕНИЯ БОРИСОВНА — кандидат филологических наук, Институт востоковедения РАН, esmagi54.54@mail.ru

СОЛЬКА АЛЕКСАНДР АНДРЭ ЛУИ — Российский государственный гуманитарный университет, Университет Женевы, aleksandrsolka@yandex.com

ШЕЛЕСТИН ВЛАДИМИР ЮРЬЕВИЧ — кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН, vshelestin@ivran.ru

Для ЗАМЕТОК

Для ЗАМЕТОК

Для ЗАМЕТОК

Научное издание

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ
БЛИЖНЕГО ВОСТОКА
В IV–I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯХ ДО Н.Э.

Материалы научной конференции

Утверждено к печати
Институтом востоковедения РАН

Верстка А. А. Петрова, И. В. Федулов.

Подписано 08.11.2017
Формат 60х90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 8,0. Уч.-изд. л. 4,6.
Тираж 500 экз. Зак. № 326

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт востоковедения РАН
107031 Москва, ул. Рождественка, 12
Научно-издательский отдел
Зав. отделом А. В. Сарабьев
E-mail: izd@ivran.ru